

Андрей Ильин

**ЖЕЛТЫЙ БЕС, ИЛИ
НЕ ИГРАЙТЕ
В АЗАРТНЫЕ ИГРЫ**

Андрей Ильин

**Желтый бес, или
Не играйте в азартные игры**

«Издательские решения»

Ильин А.

Желтый бес, или Не играйте в азартные игры / А. Ильин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-014185-2

Не искушайте судьбу, играя с ней в карты. Она обманет и посмеется над вами. Но если вы кое-чего стоите, она улыбнется вам.

ISBN 978-5-04-014185-2

© Ильин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Желтый бес, или
Не играйте в азартные игры
Андрей Ильин**

© Андрей Ильин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Зал ожидания аэропорта сдержанно гудит, словно улей с ленивыми пчёлами. Вдоль рядов пластмассовых кресел идёт молодой мужчина. Джинсы порваны на коленях, чёрная куртка из кожзаменителя выглядит так, словно её обладатель только что вылез из-под машины. На голове мешанина коротких тёмных волос. Прича – «ёжик в ужасе». Впалые щеки покрыты серой пылью трёхдневной щетины. У молодого человека бегают глаза и заметно дрожат руки. Взгляд бездумно скользит по залу, словно мужчина кого-то ищет среди равнодушных пассажиров. Когда взгляд натывается на мундиры, в глазах появляется ужас и молодой человек поспешно отворачивается. Яркими узорами цветных букв выделяется реклама всякой чепухи, витрины киосков пестрят обложками печатных изданий. На страницах улыбающиеся лица популярных проституток и политиков, чаще просто задницы. Среди пёстрых рекламных вывесок ядовито красным цветом выделяется витиеватая надпись – «Горящие путёвки». Чуть ниже нарисован кособокий верблюд, согнутая в дугу пальма, ползущие змеи... или волны тёплого моря? Молодой человек замечает вывеску, взгляд на мгновение застывает, по лицу словно пробегает солнечный зайчик. Мужчина решительно направляется к стеклянной двери.

– Слушаю вас! – воркует девица за стойкой. Офисная барышня машет наклеенными ресницами, будто лебедь крылами, глаза светятся счастьем, словно вошедший – племянник Билла Гейтса.

– Мне бы путёвку, а? – нерешительно спрашивает мужчина. – На сегодня.

– Само собой! – расцветает улыбкой девица. – У нас большой выбор, – и для пущей убедительности поправляет вырез блузки, делая чуть шире. – Куда угодно?

– Да вот... к верблюдам! – выпалил молодой человек и отчего-то покраснел.

Девица роняет взгляд, в руках появляется кипа бумажек. С ловкостью карточного шулера офисная барышня разворачивает пачку веером, крашенные коготки сжимают листок розового цвета. Тонкие пальчики уверенно, словно козырной туз, извлекают бумажку.

– Египет! Десять дней! Триста североамериканских долларов! – торжественно произносит девица и уже тише добавляет: – С перелётом!

Игра на интонации подействовала или пришедший оказался полным лохом – офисная барышня не въехала. И не важно, главное – клиент клюнул!

Мужчина торопливо кивает, рука опускается во внутренний карман курточки. Девица сноровисто подаёт бланк договора, путёвку, ещё какие-то бумаги. Молодой человек подписывает, не читая. Затем достаёт пачку хрустящих «жабьих шкурок» и паспорт. Девица сладко жмурится и чуть вытягивает шею, будто ожидая, что мужчина сейчас слегка похлопает по напудренным щёчкам и пригласит...

– А билеты? – спрашивает молодой человек.

– В кассе, – разочарованно взмахивает ресницами офисная барышня. Крашенный ноготок указательного пальца чертит дугу и замирает указующим перстом. – Вон там!

Молодой человек чуть не бегом бросается к кассе. Возле окошечка с надписью «Получение бронированных билетов» пусто и мужчина уже через несколько минут торопливо шагает к стойке регистрации. Букетик разноцветных бумажек в руке весело трепещется.

Стоя в очереди на таможенный осмотр, молодой человек несколько раз оглядывается, всякий раз боязливо отворачиваясь. Голова опущена, поднятый воротник скрывает две трети лица. Таможенник подозрительно смотрит на странного пассажира, но металлоискатель спокоен, не слышно мерзкого звона, зелёные лампочки высокомерно светят вдаль.

Пограничник хмуро сканирует фотографию в паспорте, сравнивая с оригиналом:

– Лыткин Антон? Ну-ну...

Смотрит в монитор, но такой фамилии среди разыскиваемых преступников нет, паспорт настоящий.

– Проходите, – разочарованно бурчит инспектор.

Пассажиры грузятся в слепую кишку аэродромного автобуса, машина фыркает облачком голубого дыма, тащит людей к самолёту. Молодой человек входит едва ли не первым и становится на задней площадке так, чтобы видеть здание аэровокзала. Он так напряжённо всматривается в редкую толпу провожающих, словно хочет увидеть любимую женщину в последний раз. Автобус замирает возле самолёта, двери распахиваются, пассажиры устремляются вверх по трапу. С хмурого неба накрапывает дождик, порыв ветра приносит запах керосина, выхлопных газов и нагретого бетона. Мужчина бросает встревоженный взгляд в небо, будто опасается, что из-за жиденькой облачности отменят полет. Входит в салон, идёт в самый конец. Его место последнее, возле двигателей. То же самое, что плацкартная лавка возле туалета в железнодорожном вагоне. Но молодого человека это совершенно не волнует. Осторожно, словно опасаясь кнопки в сиденье, опускается в кресло. Спина неестественно выпрямлена, взгляд устремлён к выходу, пальцы сжимают подлокотники, по бледному лицу скользят капли пота.

Все когда-то заканчивается и посадка в самолёт не исключение. Стюардесса последний раз смотрит в дверной проем, маленькие пальчики обхватывают рычаг, поворачивают. Толстый, словно танковая броня, люк с удивительной лёгкостью возвращается на своё место, отсекая хмурый внешний мир от уютного салона лайнера. В иллюминаторах мелькает верхушка уползающего трапа, самолёт пронизывает лёгкая дрожь, турбины свистят и воют, как шайка пьяных разбойников. Медленно, будто опасаясь внезапного прострела в поясницу, молодой человек облокачивается на спинку кресла. Пальцы щёлкают пряжкой страховочного ремня. На лице появляется румянец, впалая грудь вздымается и опускается в тяжёлом выдохе. За круглыми стёклами иллюминаторов плывёт аэродромный пейзаж. Лайнер на мгновение замирает на старте, грохот турбин достигает наивысшей мощи. Самолёт срывается с места и через считанные секунды устремляется прямо в смутное небо. Земные тревоги остаются внизу, их словно отсекает волшебный занавес. Молодой человек устало откидывается на спинку кресла и закрывает глаза. Через мгновение он спит...

Лыткин Антон, на вид лет тридцать, плюс-минус два года. Обычный московский «жопочник», а если политкорректно, коренной москвич. Родился, учился... Первая попытка поступить в ВУЗ провалилась и районный военкомат вцепился в холку мёртвой хваткой. Однако и здесь не все пошло гладко. Убеждённый лодырь и балбес, Антон никогда не парился по поводу будущего и умудрился так нажраться на проводах, что проспал ночь, день и следующую ночь. На сборный пункт он явился только на вторые сутки после того, как «покупатель» увёз его партию. Сердитый прапорщик сразу учуял опытным носом «выхлоп». Широкие крестьянские ладони в рыжих волосках прячутся в карманы форменных брюк. Курточка задирается кверху, штаны натягиваются, отчего и так солидный зад выпячивается объёмными караваем.

– Так-так... Значит, охранять рубежи Родины не желаем? – сказал «прапор», намекая, что партия Антона была предназначена погранцам. – Ладно. Родина, мать наша, не оставляет заботами заблудших сынов своих. Есть в нашем округе воинский коллектив, покрытый неуязвимой боевой славой. И – чуёт моя жопа! – ты, Антон Петрович, приумножишь её!

Так Антон оказался в подразделении спецстроя. Говоря по-простому – в стройбате.

Стройбат! Как много в этом слове... Россия, только ты, мать твою, могла одеть рабов в униформу и обозвать строителями. Да ещё военными! Эти разбойничьи шайки комплекту-

ются исключительно за счёт отребья. Туда берут тех, кто не годится больше никуда. Бывшие зеки со снятыми судимостями. Больные на голову, недолечившиеся наркоманы и алкоголики, не умеющие читать и писать представители нацменьшинств и просто малолетние уголовники, которых привозят на сборный пункт под конвоем из райотдела милиции. Нормальные люди тоже встречаются, но о-очень редко! Весь этот сброд, именуемый в/ч 322223 или ещё какнибудь, по военному мудрено, наспех обучают простейшим строительным специальностям и «бросают» (!) на возведение секретных военных объектов. Особенно популярны генеральские дачи под видом замаскированных командных пунктов, сокращённо ЗКП – так они именуются в военных документах с грифом «секретно». Справедливости ради следует сказать, что чаще они все-таки действительно строят чего-то там оборонительное и защитительное. Странно. Казалось бы, армейский «важняк» должны строить высококвалифицированные специалисты и очень ответственные люди. Надо ведь ещё и язык за зубами держать, когда строительство будет закончено. Или дебилы лучше хранят военные и государственные тайны? Впрочем, чему удивляться? Так называемое «элитное жильё», «дома двадцать первого века» в нашей стране возводятся исключительно гастарбайтерами солнечного Урюкостана. Человек, всю жизнь собиравший козий помет на топливо, в одночасье превращается в квалифицированного строителя! Это похлеще, чем сопливый Иван-дурак, ставший зятем царя.

«Духу» Лыткину набили пятак в первый же день «учебки». Будни раба просты и незатейливы – днём «пахота» на учебном объекте, т.е. отрядном свинарнике, а ночью хорошее пение для грустящих о воле «дедов». Мда-а... хандра-с, будь она неладна! Учебка плавно перешла в службу. Однажды, ни с того, ни с сего, «духов» помыли в бане – впервые за месяц! – переодели в чистую форму и вывели на плац. И там каждый вслух зачитал коротенький текст под названием «Присяга». Первым десяти даже выдали автоматы. Правда, учебные. На воронёных стволах загадочно блестят ровные строчки дырочек. Если заглянуть в одну, то видно насквозь. Грустно, что автоматы дырявые, но все-таки это оружие. Когда «торжественное мероприятие» кончилось, Антон отошёл за угол, стал торопливо разбирать АКМ – хотелось узнать, как устроена лучшая в мире ручная машинка для уничтожения врага.

Новую форму забрали «деды» готовить на дембель. Рабы в погонах обрели равные права, но не обязанности. Их только прибавилось. Но самым мерзким оказалось не обслуживание старослужащих. В конце концов, это временное унижение и оно обязательно будет компенсировано в последние месяцы службы. Засада в том, что строительный отряд Антона был укомплектован одними «урюками». «Белых братьев» было раз, два и обчёлся... На почти три сотни солдат приходилось всего полтора десятка. А при таком раскладе, чем белее у тебя кожа, тем чернее рожа. Славян гноили по полной программе, даже с перебором. И никто из русских «дедов» даже и не думал заступаться. Зачем? Ведь своя рубашка ближе к телу. Конечно, и цветные «кирпичи» иной раз сталкивались лбами. У них тоже были свои заморочки – национальные кланы, землячества и просто сообщества по интересам. Но главным объединяющим началом была ненависть к «русикам». Так называли всех славян. Жестокость является необходимой составляющей невежества и зависти. Чем больше помощи мы оказывали «братьям меньшим», тем сильнее они нас ненавидят. И солдат чувствует это острее всего, ибо бесправен и лишён какой бы то ни было возможности бороться с произволом. Законными методами.

«Башню» сорвало, когда над одним солдатиком гнусно надругались пьяные «деды» из таджикской диаспоры. Мальчишка в погонах был умственно отсталым от рождения. Тихий парень с ясно выраженными признаками синдрома Дауна. Странно, как его вообще призвали. Но, несмотря на общее «торможение» он хорошо понимал смысл происходя-

щего. Упившиеся до скотского состояния последователи Мухаммеда решили развлечься... Кстати, усиленно внушаемая исламскими агитаторами мысль, что «правильно верующий» не осквернит себя вкушением свинины, алкоголя и наркоты такая же глупая выдумка, как богоизбранность иудеев или непревзойдённая деловая хватка американцев. Бред все. Жрут, пьют и не давятся. А уж «травкой» пользуются каждую свободную минуту. Но только попробуйте сказать ему об этом – в глотку вцепится, как бешеный пёс. А русского обзови пьяню – гордиться будет!

Парнишка повесился на брючном ремне в туалете. Антон видел ухмылки, презрительные плевки «хозяев жизни». От острого чувства сожаления, что в роте нет оружия, закололо в груди...

На следующий день стройбат взбудоражила весть о странной смерти старшины роты, по совместительству бригадира каменщиков. Гордый житель вершин Памира, что год назад спустился с гор, был обнаружен в своей постели со сварочным стержнем в голове. Полуметровый кусок стальной проволоки в керамической оболочке пробил череп от уха до уха. Кровь вытекала из раны тонкой струйкой и за ночь успела пропитать пуховую подушку насквозь. Прокуратура, куда вынуждены были доложить начальники, быстренько замяла дело, ведь все прокурорские дачи построены на халяву этим самым строительным отрядом. Однако «деды» смекнули, в чем дело и устроили всем «духам» допрос с пристрастием. Но ни уговоры, ни угрозы результата не принесли. Молодые действительно ничего не знали, это чувствовалось. Но ведь кто-то же убил! Старослужащие вынуждены были пойти на невиданную жертву – дежурить по ночам вместо дневального. Неделя прошла спокойно...

Было на стройке место, где любили собираться дембеля. Небольшая площадка огорожена кусками шифера, внутри полукругом расположены железные солдатские койки, поверху расстелены матрасы. На небольшом столике блестит пузатый самовар. В импровизированной чайхане собираются «граждане». Это те, чей приказ уже опубликован. Раскисшие от продолжительного безделья и обжорства, молодые ублюдки просиживали здесь все рабочее время. Ночью прошёл дождь. Дежурный «дух» со смешной русской фамилией Лыткин забыл спрятать матрасы. Теперь они сушатся на ограждении, а «дух» с начищенным «пятакон» улетел в спальное помещение за сухими матрасами. «Граждане» расселись прямо на железные сетки, ведут неспешные беседы о скором возвращении в солнечный Урюкостан. Пыхтит самовар, вкусно пахнет берёзовым дымком, сияют на солнышке до блеска начищенные пиалы – простые фаянсовые чашки, у которых отбили ручки и тщательно затёрли выступы. От влажной земли поднимается пар... Внезапно что-то длинное и чёрное мелькает в небе. Парный кабель от сварочного аппарата хлещет по земле, словно пастуший кнут. Концы проводов до блеска зачищены и хищно загнуты книзу, будто когти стервятника. В «чайхане» воцаряется растерянная тишина. Солдаты непонимающе глядят на раздвоенный, будто змеиный язык, кабель. Медленно поднимают взгляды. Рядом, в десятке шагов, расположен трансформатор. Железная дверца полуоткрыта. Видно, что провода надёжно закреплены в медных зажимах. Чёрная шишка рубильника торчит вверх. Из-за железной коробки трансформатора появляется человек в брезентовой робе. Лицо закрыто черной сварочной маской. Бросилось в глаза, что на ногах неизвестного резиновые сапоги, на руках нелепые, словно тюленьи ласты, защитные перчатки. Чёрная резиновая ладонь сжимает пластиковую шишку рубильника. И тут солдаты понимают, что сейчас должно произойти. Кровь схлынула с лиц, рты разрываются в крике, в глазах стынет ужас...

Многоголосый вопль обрывает, словно ножом. Слышен только странный прерывистый треск, по воздуху плывёт резкий запах окалины.

Замять гибель сразу пятнадцати человек невозможно. В строительную часть приехало столько проверяющих, что солдатские погоны затерялись среди офицерских. Сняли

всех, кого только можно было. Строгое дисциплинарное наказание наложили даже на старшего повара. С чувством выполненного долга многочисленные комиссии разъехались, так и не найдя того, кто замкнул рубильник. Зато солдаты поняли все. Четырнадцать русских мальчишек выпрямили спины и больше никто не смел поднять на них руку. Даже голос не повышали. После страшной гибели таджикской группировки остальные не то чтобы испугались, нет. Волчья стая признала их равными. Через месяц пришёл новый призыв. И в нем большинство славян. Новые хозяева строительного отряда, призванные из одной виноградной республики, попытались было завести себе персональных рабов. Началась драка, в которой русский призыв прошлого года бился рядом с новенькими. Стычка быстро переросла в побоище, в котором «замесили» всех «братьёв».

В тот, далёкий теперь, день, Антон впервые в жизни узнал, что такое свобода, завоеванная в бою, а не полученная в виде подачи за верную службу хозяину.

...самолёт внезапно трянуло на воздушной яме. Молодой человек вздрогнул, глаза распахнулись, на лице мелькнула судорога паники. Однако светлый салон, спокойные пассажиры и монотонный гул турбин быстро успокоили. Черты лица расслабились, мужчина облегчённо вздохнул. Взгляд бездумно скользнул по кнопкам вызова стюардессы, остановился на круглом стекле иллюминатора. «А что дальше-то было? – подумал Антон. – Господи, и вспомнить не могу! Где же я сорвался?»

Дембель неизбежен, как мировой финансовый кризис. Возмужавший или, как говорят продвинутые остряки – возмудевший Антон вернулся в родной дом. И сразу началась полоса неудач. Он узнал, что девушка, обещавшая ждать его столько, сколько нужно – аж полтора года! – давно и благополучно замужем, родила двойню и не желает даже разговаривать с «детским увлечением». Удар крепок. В двадцать лет иногда бывает смертельным. Но Антон удержался. А затем был второй удар – провал на экзаменах в институт, причём полный. Ни о какой пересдаче даже разговаривать нельзя. Мечты об информатике, а с ней и работа сисадмином в крупной корпорации пошли туда же, куда и первая любовь – коту под хвост. Именно так называла бабушка Антона то место, где складывают несбывшиеся мечты. Что делать? Терять ещё один год? Ни в коем случае! И Антон спешно подаёт документы в «педун» – педагогический университет. Это ВУЗ, в котором учатся те, кто провалился на экзаменах в другие институты, а также те, кому все равно, кем быть, лишь бы диплом был. Как правило, молодёжь с деревень и рабочих окраин, у которых изначально нет никаких перспектив. Разумеется, почти одни девушки. Надо сказать, первое время Антону нравилось. Нет, не учёба – окружение! «Малины» вокруг столько, что голова кругом шла. Таким образом, параллельно с изучением вузовской программы Антон учился и ещё кое-чему. К третьему курсу он стал если не Казановой местного разлива, то мастером постельного спорта точно. С одной стороны, льстит мужскому самолюбию. С другой... Антон чувствовал, что превращается в какого-то жигало. Юные преподавательницы точных или – все равно! – гуманитарных наук были очень непротив повисить классность и в этом деле, тем более, что Антон был чистоплотен, обходителен и практически никому не отказывал. Но что-то внутри противилось. Чувство отвращения нарастало с каждым днём. Антон начал избегать многочисленных подруг, но его находили, и... он не мог устоять. Иные, что понаглее, просто требовали!

Памятью поговорку – клин вышибают клином, Антон решил сменить увлечение. Его давно интересовали игровые автоматы, казино и вообще все, что связано с игрой. Воображение будоражили истории о том, как известные актёры ставили на кон последний доллар в казино Лас-Вегаса и возвращались с миллионами. В Сети, на сайтах для избранных, регулярно появляются таинственные схемы, согласно которым выигрыш в рулетку гарантирован.

Некоторые утверждают, что раз число карт в колоде постоянно, то можно придумать некий алгоритм и тот, кто в совершенстве им овладеет, будет выигрывать всегда! Исполнятся чаяния многих поколений и новый Герман поведёт армию несчастных игроманов на последний и решительный бой. Разумеется, «новым Германом» считал себя и Антон. Дело так увлекло, что он все свободное время стал проводить за расчётами. Комната в общежитии была завалена бумагами. Листы со столбцами цифр висели на стенах, в беспорядке валялись на столе и полу. Какие-то графики, странного вида формулы... Видя такое серьёзное увлечение математикой, любвеобильные девицы с уважением трясли накрашенными мордашками и пожимали плечиками – пропал парень! А какой был мушкетёр... эт-то что-то!

Кстати сказать, учился Антон на историка и его увлечение математикой выглядело вдвойне странно. Дорога к звёздам, как давно известно, лежит через тернии. Удача обходила стороной Антона. Нет, выигрыши случались, но мелкие, несущественные, а главное – не было системы. То, что она есть, Антон не сомневался. Как-то раз по Discovery Channel он увидел коротенькую передачу об одном русском, который сумел-таки найти этот чёртов алгоритм. После нескольких крупных побед о нем узнали во всех московских казино. Менеджерам был отдан строгий приказ – ни в коем случае не разрешать этому человеку подходить к игорному столу. Он может делать в казино все, что угодно, кроме одного – играть! Угасшая была надежда вспыхнула с новой силой. Он существует, философский камень азарта и победы, просто Антон плохо ищет! Впопыхах не обратил внимания на то, что этот феноменальный игрок профессор математики и действительный член РАН. Он гений, способных держать в голове все комбинации карт, они ведь действительно не бесконечны. Это игрок другого уровня. Для него казино, рулетки и кипы зелёных бумажек – забавы слабоумных. Такие люди решают проблемы мироздания, мышьяная возня вокруг колоды карт вызывает у них снисходительную улыбку. Гонка возобновилась с новой силой. Ночи напролёт проводил Антон за расчётами, стал хуже учиться и едва не был отчислен за слишком длинные «хвосты». Пришлось сбавить темп, но тут явилась беда. Незаметно, шаг за шагом, Антон начал привыкать к игре. А это уже опасно. Человек постепенно теряет контроль над собой, игра становится смыслом жизни, адреналин превращается в каждодневную необходимость. Личность растворяется в игре и человек более не властен над собой.

Антон держался удивительно долго. Через пень-колоду закончил свой «педун», какое-то время работал учителем в средней школе, но, когда коллеги стали замечать явные странности в поведении, а школяры открыто смеяться над чудаковатым историком, с работой пришлось расстаться. Уже через год с небольшим Антон остался без работы и дома – хрущёвская «однушка» продана за долги – почти без средств к существованию. «Почти», потому что удача иногда улыбалась. Настоящий игрок никогда не теряет надежды и верит в свою звезду. Он целеустремлён, твёрд и ничто не остановит его... Вообще-то, психиатры называют подобное состояние психозом, переходящим в устойчивую манию. Короче, башню сносит полностью.

Если вам хоть раз пришлось сесть за игровой стол или коснуться кнопок игрового автомата, то вы на всю жизнь запомните липкое чувство близкой халявы. Вот-вот, через мгновение вы получите... награду? Нет, за неё надо бороться до седьмого пота... Вы получите НЕЧТО! Чувство неземного счастья охватит вас, от радости задрожит каждая клеточка вашего организма. Ещё чуть-чуть, мгновение... вы касаетесь кнопки... сжимаете потными пальцами чл... простите, рычаги были на старых машинах... Одним словом, чего-то там жмёте или дёргаете и... наступает момент орг... опять простите. На панели выскакивает надпись, что в следующий раз вы обязательно выиграете джек-пот. Интимная близость с игровым автоматом опустошит твой кошелек и душу. Ты и не заметишь, как окружающий мир потеряет для тебя всякую ценность. Ты будешь думать только о деньгах для игры. Отнесёшь в салон все, что у тебя отложено на чёрный день, снимешь остатки с расчётного счета жены,

ребёнка, ограбишь собственную мать. И убьёшь её, если встанет на дороге. Да-да, не сомневайся, примеров хватает. Думаешь, ты сильный? Сможешь бросить игру, когда захочешь? Нет, ведь ты ничтожество! Взгляни в зеркало, глаза в глаза. В твоей душе, словно земляные черви, копошатся страхи, гадкие желания, неуверенность и сомнение. Ведь ты трус! Поднимаясь утром с постели, ты первым делом думаешь, как бы не ошибиться и встать с правой ноги. Ты боишься положить ключи на стол – денег не будет. Не дай Бог встретить женщину с пустым ведром или несчастная чёрная кошка перебежит дорогу. Все. У тебя опускаются плечи, холодит в животе... Ты готовишься к смерти четвертованием, никак не меньше! И так каждый день.словно боец невидимого фронта, ты контролируешь каждый свой шаг в ожидании неминуемого провала. Разве это жизнь? Хочется праздника. И он тут как тут. В виде оскаленной рожи уродливого человечка по имени Джек Пот. Ты видел таких на каждой игровой забегаловке. Тебе в душу стучится жёлтый бес азарта. Как только ты пересекаешь порог и таинственная полутьма игровой клоаки окутывает тебя, бес уже внутри. Он восседает на зловонной куче твоих страхов и комплексов и указывает путь к ближайшему автомату. Там ждёт тебя щастье! Сейчас, пока бес слаб, его можно победить. Не силой воли, ведь у тебя её нет. Жадностью. Уж её-то у тебя хватает? Когда засунешь тысячу, другую в ненасытный задний проход «однорукого бандита» ... Или проход... э-э... щель для опускания монет спереди? Ну, неважно... Прикинь, сколько можно было бы купить на эти деньги пива, сигарет, какую бабу снять на вечер... Ну, или что там ещё тебя интересует... А, показ мод! Ведь это так интересно, сидеть в первом ряду и заглядывать вешалкам под юбки. Опять же пиво...

Короче, если жаба сильнее беса, ты спасён. Если нет, капец тебе и сдохнешь ты в придорожной канаве.

Антон устроился в охранную фирму на испытательный срок. Конторка была ещё та! Бывший мент – участковый! – сколотил неплохие бабки, торгуя квартирами поднадзорных и обирая киосочников. Делился, поэтому разрешили легализоваться. Охранная компания занималась тем же самым, что и бывший участковый – теперь генеральный директор! – обиранием киосочников и прочей бизнесовой шушеры в районе. Только вот квартирами не торговали – поднадзорных прибрал к рукам другой мусор в погонах. Неповиновение каралось строго, в крайнем случае могли и убить. Рукоприкладство было нормой. Ну, как в ментовке. Антон парень тихий, в пререкания с начальством не вступал, исполнял все приказы точно и в срок. Вот и попросили его как-то раз помочь инкассатором. Так, для массовости, постоять возле машины с пушкой, пока старший инкассатор заберёт деньги в магазине. Бабки за сверхурочные сразу, по возвращении. Антон согласился.

Когда холщовый мешок плюхнулся на колени Антона, в груди тревожно заныло.словно маленький осьминог зашевелил сразу всеми щупальцами. Мешок будто ожил. Внутри полотняной утробы бродят сгустки ассигнаций, шелестят ластами и переговариваются шипящими голосами. Антон осторожно шевелит коленями. Шорох усиливается, к нему добавляется звон металлической мелочи и в воздухе повеяло ни с чем ни сравнимым запахом денег. В это время старший инкассатор увлечённо разводит знакомую продавщицу на вечер. Сердце ударило по рёбрам, словно колотушка в гонг. Кипящая кровь хлынула по жилам обжигающим потоком, глаза затмила пелена... Антон не помнил, как сумел выбраться из машины и водитель этого не заметил. Очнулся, когда оказался в тёмной подворотне. Руки плотно прижимают к груди заветный мешочек, зубы выбивают чечётку, колени дрожат. В этом районе он знает все игорные заведения. Самый солидный, с громким названием «Гранд монарх» или, если по-простецки, «очень большой царь», совсем рядом. Туда и направился Антон Лыткин в полной уверенности, что не позже, как через сорок минут вернётся в контору на личном «бентли» с полным багажником евро, долларов и фунтов. Разуме-

ется, менеджер игрового зала махом засек инкассаторскую сумку, но... именно в этот момент его настиг приступ близорукости. Именно так он пояснил свою удивительную невнимательность позднее на допросе в охранной фирме. Разумеется, базар не прошёл и менеджер лишился пальцев на левой руке. Но это уже совсем другая история...

Антон просадил полмиллиона за двадцать минут. Когда в ладони оказалась последняя пачка сторублёвок, а мешок свалился на пол, как старая змеиная шкурка, он понял, что это – конец всему. И его жизни тоже. Отныне счёт идёт на минуты. Антон метнулся вон из игрового зала, словно приговорённый к смертной казни Котовский в окно зала судебных заседаний. Он ещё не знал, куда бежать, где скрываться, просто уносил ноги. Частник за пару «стольников» довёз Антона до съёмной хаты, благо, совсем рядом. Скинул барахло, переоделся, паспорта и деньги рассовал по карманам. Все, теперь на вокзал... нет, идиот! В аэропорт! На вокзале ты будешь маячить до утра, твоя морда уже в ментовской базе данных, один взгляд видеокамеры и ты попался. В аэропорту, вообще-то, то же самое... И все же Антон решил добраться до аэровокзала, а дальше видно будет. Ему почему-то казалось, что спасение именно там.

...самолёт ещё раз мягко трянуло. Антон вынырнул из тяжёлой полудрёмы, открыл глаза. Он по-прежнему в салоне, вокруг неподвижная тишина, нарушаемая только монотонным гулом турбин. Шторка задвинута неплотно, в щель прорывается слепящая полоска солнечного света. Душно. Антон снимает потёртую курточку из псевдокожи, проводит по влажному лбу тыльной стороной ладони. Лайнер заметно клонится носовой частью. Скоро приземление, Антон окажется за «тридевять земель и одно море» от хмурой родины и кучи неразрешимых проблем. Но, как известно, избавление от одной неприятности предполагает немедленное приобретение другой, а иногда и больше. Словом, семь бед, а где найти ответ?

Резиновые гроздя колёс тычутся в бетон посадочной полосы, сверхпрочные стойки недовольно скрипят стальными сочленениями и комфортабельная труба с крыльями опускается раздутым брюхом на тонкие лапки шасси. Алюминиевая туша тупо мчит по земной тверди, для надёжности укрытой застывшей смесью глины и цемента, нехотя останавливается на полпути. Рыло поворачивается, стеклянный аквариум аэровокзала медленно приближается. Самолёт чуть заметно клюет носом и замирает. Все, приплыли. На выходе, перед тем, как ступить на трап, Антон мелко крестится и шепчет:

– Пусть не эта земля будет мне пухом.

Африканская жара Египта обрушивается, словно волна кипятка. Тело моментально покрывается маленьким и гадкими капельками пота, спина начинает чесаться. Сразу хочется вернуться обратно, в сумрачное и прохладное нутро самолёта, лететь обратно. Увы, так было один раз и только в кино про сумасшедших итальянцев в России. Среди встречающих Антон видит слегка располневшую девицу с рыжими кудряшками. Маленький кулачок сжимает плакатик, на котором большими буквами выведены названия отелей и туроператоров. Антон сверился с путёвкой, подошёл к девице. Вскоре его и ещё полтора десятка туристов сажают в автобус. Пожилой «мерседес» сварливо фыркнул чёрным выхлопом, салон дёрнулся и пыльный пейзаж за окном покотился назад. Египетские шофёры известные на весь мир психи. Болезнь обостряется всякий раз, когда хворый оказывается за рулём. Вдобавок потный дядя завыл радостную местную песенку с горловыми переливами. Под музыкальное сопровождение автобус поёр по раскалённому асфальту, словно бронепоезд с сорванными тормозами под горку. Населённый пункт на «ху» ... дальше что-то рвотное... А, Хургада! – встретил запахом близкого моря, тропических растений и вонью прогорклого масла с ближайшего рынка. Возле отеля автобус останавливается. Несколько пассажиров неохотно выбирают из вонючего, но прохладного нутра машины и сразу окунаются в удушающую

жару. Сопровождающая кивает, глаза бегут по бумажке, сверяясь со списком. Ни говоря ни слова, ныряет в салон, дверь захлопывается и автобус катит дальше. Растерянные туристы потоптались на раскалённом тротуаре, направились к отелю. Толстые серые стены, маленькие окна и странные выбоины по краям говорили о том, что в недалёком прошлом здание использовалось в качестве полицейского участка или местной тюрьмы. А в чем дело? Шустрые российские бизнесмужики общественные сортиры переделывают под рестораны и что? Антону было глубоко наплевать на тонкости гостиничного сервиса. Взял ключи у портье, показал внушительную фигу подлетевшему мальчишке коридорному и прошёл в номер. Не раздеваясь, упал на кровать и этот суетный мир оставил его в покое на несколько часов.

От пережитых волнений Антон проспал мёртвым сном обед и ужин. Потом наступила влажная ночь, её сменил розовый рассвет, вернулось яркое утро. Только тогда Антон проснулся. Несколько минут лежал на волглых от пота простынях, соображая, где он и как сюда попал. Как только умственное равновесие восстановилось, о себе напомнил желудок. В животе громко квакнуло. Антон торопливо привёл себя в порядок. Интересно, проспал он завтрак или нет? Вообще-то коридорный обязан был доложить, что завтрак подан, но ведь он вчера показал ему фигу... Претензий быть не может!

В гостиничной тошнеловке оказалось пусто. В смысле, поесть можно, но за отдельную плату. Путёвка, которую впарили Антону в аэропорту, предусматривала только одноразовое питание. Злой и голодный, Антон вышел на улицу. Покупать еду в гостиничном ресторане он не захотел – слишком дорого. По старой студенческой привычке решил отыскать дешёвую забегаловку. О том, что шляться по улицам в чужом городе, далеко от Родины, может быть опасно, он не думал. Египтяне казались ему чем-то вроде наших базарных торговцев с юга – разговорчивыми, услужливыми и в меру хитрыми. Он как-то не думал, что такими бывают только у нас. У себя в стране это совершенно другие люди. Только попробуйте что-то сделать не так – вам перережут горло среди бела дня и местная милиция никогда не найдёт преступника. Не станет утруждать себя.

Найти «едальню» оказалось проще простого. Сразу за отелем начинается торговая улочка. Закусочные и чайные располагаются буквально на каждом шагу. Антон вошёл в первую попавшуюся, купил кусок жареного с перцем мяса неизвестного животного и лепёшку. Проглотил не глядя, залил пожар в желудке стаканом колы. Он совершенно не обращал внимания на окружающих – ну, как будто у себя дома. Наивный учитель истории и конченный игроман со стажем даже не предполагал, что его скромной личностью кто-то заинтересуется в этой полудикой стране. Расплатился, вышел на улицу. От скуки решил прогуляться по торговым рядам, благо, они отсюда и начинаются. Миновал несколько лавок с блестящим барахлом и яркими тряпками. За спиной нетерпеливо звенит колокольчик. Антон отступает в сторону, оглядывается. Дочерна загорелый парнишка в грязных шортах и жёлтой майке с рыжими разводами тянет за собой тележку. Египтянин жизнерадостно кивает, худое лицо кривится в улыбке. Появляется неровная полоса жёлтых зубов с ясно видимыми пустотами, словно некто повыдёргивал лишние клыки. Так поступают уличные дрессировщики обезьян, которых многие наверняка видели на улицах курортных городов. Чтобы мартышки не кусались. Тележка уличного носильщика вместительная. Кусок ткани свернут в рулон, аккуратно уложен на дно. Весь погруженный в свои нелёгкие мысли, Антон отступает ещё и почти прижимается спиной к прилавку торговца дешёвым антиквариатом. Сзади что-то дребезжит, раздаётся звонкий стук, будто яблоко падает на металлическое блюдо. Слышится разгневанный возглас. Антон оборачивается, дабы как-то объяснить, что он не виноват, носильщик тут телегу прёт, как танк... Нечто тёмное и пахнущее, как дохлая ворона, летит прямо в лицо. Антон инстинктивно уворачивается, но поздно. Мокрая тряпка ляпает по лицу, словно пощёчина, запах мертвечины становится невыносимым.

Какая-то жидкая гадость стекает по щеке, распаренную кожу щиплет и жжёт огнём. Антон тут же хватается какой-то кувшин, замахивается и... силы оставляют его. Медная посуда с узким горлышком падает обратно на прилавок, колени подгибаются. В это минуту тележка останавливается, сильные руки толкают слабейшего Антона и он без сил валится на жёсткое дно. Свёрнутая в рулон холстина стремительно разворачивается, мелькают худые руки носильщика и вот уже тележка укрыта туго натянутым полотном. Посторонний наблюдатель даже не поймёт, что под холстиной лежит человек. Носильщик подхватывает перекладину, тележка постукивает колёсами по мостовой, катится дальше. Вокруг десятки людей, но все отворачивают морды и никто ничего не видит.

Пришёл в себя от резкого запаха бензина. Сразу открыл глаза. Совсем рядом видит чьи-то босые ноги, грязные, вонючие и с длиннющими ногтями. Сильно трясёт. Антон кричит срывающимся голосом:

– Офигели, уроды!? Я подданный...

Сокрушительный удар кулаком в лицо повергает его в шоковое состояние. Опять накачивается волна нестерпимой вони, боль от удара исчезает, сознание гаснет.

Очнулся второй раз на каменном полу. Почувствовал жалящую боль от острых камешков, тупую жёсткость верёвок на руках. Медленно открыл глаза. Памятуя о болезненном ударе, сжался. Взглянул исподлобья. Вокруг никого, прохладный полумрак и слабый запах прелой травы. Осмелев, Антон садится, верёвки сваливаются с рук за спиной. Он удивлённо опускает глаза – перерезаны! Но вспыхнувшая было надежда гаснет – вокруг каменные стены и только высоко над головой неровный круг белого неба. Поднимается с пола, пальцы касаются шершавой поверхности стены. На полу, в сторонке, лежит охапка серой травы. Ещё он обнаружил глиняный горшок с прочными рукоятками и широким горлом. Гадкий запах сразу объяснил предназначение посуды. Антон ещё раз посмотрел вверх. До края метра два, не меньше. Стены обработаны грубо, но выступов, даже небольших, нет. Словом, из ямы не выпрыгнуть, не вылезти. Сбил ногой траву в кучу, сел. Левая половина лица ноет, особенно больно двигать челюстью. И глаз вроде хуже видит. Словно в щель. Пальцы ощутили припухлость размером с половинку абрикоса. Во рту постоянно вкус крови, приходится все время сплёвывать. Два зуба шатаются, в третьем нет пломбы – выпала. Однако других повреждений нет, кости целы, шкура не порвана. Антон немного повеселел. Он не раз читал о том, как террористы похищают зарубежных туристов с целью выкупа. Но это, как правило, происходило с европейцами или американцами. Они побогаче, их правительства чувствительнее, так что бандиты могут рассчитывать на неплохой бакшиш. А с русского чего взять? Кто за него заплатит? Правительство? Или может быть, очередной Великий Кормчий, что сидит в Кремле? А может, меценат какой? Покупают же они старые горшки, которые неизвестно для чего использовались, статуэтки из обожжённой глины, мазню древних рисовальщиков. Эта дрянь, именуемая предметами искусства, имеет ценность только для тех, кто тонет в роскоши и богатстве, кому золотой унитаз с компьютерной подтиралкой кажется недостаточно изысканным, кому обычных пяти чувств мало, надо бы ещё двенадцать, а то впечатлений не хватает. Богатые барахольщики. Лучше бы в нанотехнологии вкладывались, а то ведь неровен час, опять станем рабами. Только на этот раз не татаромонгол, а вовсе нелюдей из-за океана.

Так вот. Подбери сопли, фуфел, кому ты на хрен нужен! Наверно, начитался газет, в которых регулярно сообщается о растущих золотовалютных резервах матери родины. О нефте-газодолларах, которые текут в страну бурлящим потоком. А может, ты читал обращение Президента к Федеральному Собранию, где красиво сказано о социальных обязатель-

ствах, о людях? Это пиар, кегля. И рассчитан он не на людей, а на электорат. То есть на стадо баранов с правом голоса. Если бы ты хоть раз посмотрел на это самое «фед. собрание» в прямом эфире, то заметил бы, как много сонных морд в зале. Некоторые куняют, даже не стыдясь камер. Им все равно, че там и кто там шлёпает губами в микрофон. Потому что исполнять они будут не то, что оглашается на всю страну, а то, что пришлют спецпочтой, с фельдьегерем. Вот эти приказы выполнят точно, быстро и в срок, а иначе голову снимут. Конечно, не в прямом смысле. Ну, например, пилот губернаторского вертолётa – экстра-класса лётчик, не какойнибудь практикант! – вдруг не увидит провода высоковольтной линии электропередач, которые тут уже сто лет висят. Вот не заметит и все! И комиссия экспертов из Москвы подтвердит: да, не заметил. А вертолёт был исправен, вот и бумаги есть соответствующие... Нет, тот, кто сидит в Главном кресле, искренне верит в то, что говорит. Наверно. Он и вправду хочет, чтобы все было именно так, как написано. Но те, кто в зале и те, кто за ними, делать ничего не будут. Не надо им. Они и так хорошо устроились в жизни и менять ничего не хотят. А работать... Есть подчинённые, за это деньги получают.

В отверстии наверху мелькнула тень. Округлый предмет, похожий на тарелку, шлёпается на пол. Куски разлетаются по всей яме, один падает прямо на колени Антона. Это кусок чёрствого хлеба. Круглый предмет – засохшая лепёшка. Антон брезгливо нюхает – пахнет плесенью и навозом. «Обойдусь пока», – решает он и кусок летит на пол. Круг света над головой темнеет, яму заполняет мрак. Сверху доносится далёкий лай собак, визгливые голоса детей, потом все стихает. Незаметно для себя Антон засыпает.

Глава 2

...режущий уши вопль прерывает сон. Странное завывание, похожее на рёв ишака и визг свиньи одновременно, будит Антона и заставляет его вскочить на ноги. Раздаются весёлые выкрики и смех. Уже рассвело и Антону хорошо видно, как от края ямы убирают раструб громкоговорителя. Появляется смуглое лицо, счастливая улыбка растягивает шербающую пасть до ушей. Гнусавый голос произносит на корявом русском:

– Вставай, рашка! Спать многовредна!

Сверху обрушивается длинная палка с поперечинами. Деревянные обрубки привязаны проволокой, держатся крепко. Осторожно, чтобы не сорваться, Антон выбирается из ямы. Встающее из-за неровного горизонта солнце хлещет по глазам ослепительной пощёчиной, Антон поспешно отворачивается. Жёсткие пальцы сжимают воротник куртки вместе с волосами, следует рывок и Антон падает лицом в грязь. Раздаются смешки, несколько камней падает совсем рядом. Резкий выкрик обрывает смех. Антон поднимается с земли. Рот полон вонючей глины, над бровью саднит порез, первые капли крови текут прямо в глаз. Но, едва он становится на четвереньки, мощный удар ногой подбрасывает его и Антон катится по земле, едва не теряя сознания от боли. Небо и земля несколько раз меняется местами. Антон садится и судорожно отползает подальше от того, кто так жестоко ударил. Он пятится, быстро перебирая руками, загребая пыль задом, лицо искажено страхом и болью. Опят слышен смех – не то детский, не то женский. Спина упирается во что-то твёрдое, в затылок остро тычется камень или сучок, хрен знает. Наконец, удаётся открыть глаза и Антон оглядывается. Он внутри дома без крыши, так показалось вначале. Потом догадался, что это двор такой, со всех сторон огороженный глиняным забором. В середине чернеет дыра, торчит палка с перекладинами. Площадка невелика, примерно десять на десять метров. Одна дверь. Сейчас она распахнута, из тёмного прямоугольника выглядывают смеющиеся детские лица. В нескольких шагах от Антона стоит смуглый человек в просторных штанах и рубахе. Ткань когда-то была белой, сейчас покрыта жёлтыми пятнам высушенного пота и разводами грязи. Торс перепоянсан накрест пулемётной лентой, штаны заправлены в ботинки с высокими берцами и толстенной подошвой. Носы блестят металлом. На несуразно маленькой голове тюрбан цвета весенней травы. Лицо наполовину закрывают солнцезащитные очки а-ля Миша Джексон. Жиденькая бородка заплетена в косичку и забавно трепыхается при каждом шевелении челюстью, словно мокрый кошачий хвостик. Неизвестный выдувает бледно-розовый пузырь жвачки. Он лопается и, словно гигантская сопля, виснет на рыле. Губы складываются в огузок и жвачка с шумом втягивается в рот. Неизвестный жирно причмокивает. Опять раздаётся странный вопль. Только теперь он звучит намного тише и откуда-то сверху. Антон искоса бросает взгляд. Из-за кромки забора видна башня, шпиль. Орут оттуда.

– Ты кто такой? – спросил Антон. – Что надо?

– Твой дело молчи. Панял, пёс? – прогнусавил в ответ очкастый.

Антон взглянул внимательнее. Нос незнакомца искривлён этакой скобкой и чуть вдавлен. «Сифилитик, что ли? – встревожено подумал Антон. – Или просто в рыло дали как следует? Не заразиться бы тут». Он слышал от знакомых, что бывали в африканских странах, какие тут случаются эпидемии, сколько людей болеет СПИДом, лихорадкой Эболи или гепатитом С. Отсутствие достаточного количества воды, невежество населения и полное пренебрежение гигиеной превращает любую африканскую страну в настоящую «чумную провинцию». Можно подцепить такую заразу, о которой наши врачи просто не знают. Лечиться будешь до конца жизни. Из дверного проёма послышался шум, прозвучали резкие выкрики. Чумазные детишки мгновенно исчезли, словно испарились. Во двор выходят два негра. Оба с автоматами, лица скрыты красными шапочками, натянутыми до подбородка, в отверстиях

блестят глаза. Голые торсы разукрашены замысловатой татуировкой, странными значками. Вместо штанов просторные цветастые юбки. Белые кроссовки надеты на босые ноги, бантики шнурков затейливо колышутся в такт шагам. Следом важно ступает какое-то... блин, чудак на букву «м» в перьях! Тоже в юбке, только оранжевой, белых полусапожках. Выпуклый животик располосован татуировкой, торчит пупок, как детская соска. На голове – Антон не поверил глазам! – хоккейный шлем, грубо выкрашенный зелёной краской. Из макушки торчит пучок жёлтых перьев. Прозрачная защитная маска тоже выкрашена, но так, чтобы можно было видеть, а вот черты лица остались неразличимы. Широкий пояс и пистолет в белой кобуре завершают облик.

Если бы не оружие, Антон счёл бы вошедших людей психами. Он почувствовал, как уголки губ растягиваются в улыбке против воли. Вспомнил, как совсем недавно его били и пинали. Улыбка скончалась, ещё не родившись. Ряженные придурки подходят ближе. Бодигарды в юбках становятся по бокам, стволы калашниковых глядят Антону в лицо. Из-под хоккейного шлема раздаётся бормотание на незнакомом языке. «Очки» тут как тут, подобострастно переводят, мешая русские и английские слова :

– Ты плен забит. Твой имья, мэйл.

– Чё? – не понял Антон.

– Из нэйм забит, – показал переводчик на негра в хоккейном шлеме пальцем.

– В какое место? – не удержался от прикола Антон. (Позже он узнал, что Забит – имя, означает приказывающий или командующий.)

Негр шутки не понял. Оно и к лучшему, иначе Антона убили бы прямо здесь. На путанном сленге переводчик в очках объяснил, что бледный пёс – это Антон, захвачен в плен подразделением борцов за какую-то истинную и чистую веру. Их командира зовут Забит. Он великий полководец, герой и прочая, прочая... Белая собака должна назвать имя, фамилию, домашний адрес. За него заплатят выкуп в миллион долларов и тогда «собаку» отпустят. Используя язык мимики, жестов и скудные познания в английском, Антон объяснил, что маму он не помнит – она давно ушла, папа рубит лес уже двенадцать лет где-то под Новосибирском, а у бабушки, которая его воспитывала, не то, что миллиона, одного доллара не найдётся.

...теперь Антона бил не только переводчик, но и охранники в белых кроссовках. Они-то его и спасли от неминуемой гибели. Солдатские ботинки с железными носами били смертельным боем, а мягкие «кросы» тупо глушили. Антон вырубился на десятой секунде и уже не чувствовал, как волокли по двору, миновали тёмный коридор и вытащили на улицу, но уже с другой стороны. Забитого до полусмерти, его швырнули под стену. Накинули на шею ржавый трос, затянули потуже и зафиксировали зажимом. Другой конец закрепили на железной загогулине в стене возле земли. Длина троса такова, что пленник может только стоять на коленях или наклонившись.

...первое, что почувствовал Антон, когда сознание вернулось – это концентрированный запах мочи и самой что ни есть заскорузлой псины. По лицу течет липкое, мухи облепили все тело, насекомые жадно сосут кровь из ран, пытаются забраться в ноздри, в глаза. Антон чихает на все лёгкие, как сумасшедший, машет руками, голова мотается из стороны в сторону. Гудящее облако мух поднимается, воздух становится чище, но самые смелые мухи все равно отчаянно атакуют сладкую добычу. Слышен радостный детский смех. Антон с трудом разлепляет глаза. Сквозь узкие щёлки – открыть шире нет сил – видна стайка ребятишек. На круглых мордашках цветут улыбки, в наивных детских глазках радость, белые зубки сверкают, словно жемчуг. Антон опускается на землю, упирается спиной в столб. Силы покинули избитое тело. Детишки недовольно верещат и град мелких камней обрушивается на измученного человека. Тело одеревенело от побоев и удары почти не чувствуются. Так даже лучше, мух отгоняют...

Резкий, словно удар кнута, выкрик сдувает малышку с улицы. Антон приоткрывает один глаз, видит смутное пятно человеческой фигуры. Неизвестный приближается. Антон заинтересованно смотрит, открывается второй глаз. Зрение постепенно фокусируется, муть исчезает и Антон различает, что это молодой парень, тоже в идиотской юбке, жёлтых сандалиях на босу ногу, торс укрывает маечка ядовито-зелёного цвета. На голове тюрбан. Парень приближается, круглое лицо лоснится от пота, толстые и неестественно вывернутые губы презрительно кривятся. Незнакомец останавливается в двух шагах от Антона, руки опускаются к поясу. Раздаётся несколько слов на непонятном языке. Судя по интонации, явно не комплимент. Антон опускает глаза. Руки парня лезут под юбку и Антон уже понимает, что сейчас произойдёт, но тут его взгляд останавливается на поясе незнакомца. Странной формы нож – очень широкий возле рукояти, резко сужается, конец клинка загибается крючком. Украшенные железной насечкой ножны болтаются совсем рядом, до рукоятки легко дотянуться, только приподняться и все... Незнакомец, наконец, справляется с юбкой, из складок высовывается внушительного вида «хобот». «Щас освежит, падла», – обречённо подумал Антон. Молнией пронеслись воспоминания, как издевались «урюки» в стройбате, как плакали, не стесняясь слез, сослуживцы от бессилия... Носок левой ноги опускается к земле вовнутрь. Правая чуть сгибается, словно пленник невзначай подбирает вытянутые ноги. Носок левой касается пятки противника. Злоба вспыхивает, ослепляя и наполняя тело мощью. Антон со всей силы бьёт правой. Ступня врезается в ногу чуть выше колена, левая нога, словно железный крюк, подсекает. Бедренная кость лопаётся, как сухая ветка, коричневая кожа рвётся и наружу высовываются ослепительно белые обломки кости. Из трещины фонтаном брызжет кровь. Негр никак не ожидал сопротивления со стороны избитого до полусмерти пленника. Хруст ломающихся костей обрывается стуком упавшего тела. Грязный тюрбан сваливается с потной головы, затылок врезается в сухую землю именно в том месте, где из неё торчит небольшая шишечка круглого камешка. Дикий вскрик обрывается в самом начале. Тюрбан, тёмный по краям от пота, вяло катится по земле... Антон для верности бьёт пяткой по лицу. Переносица хрустит под каблуком, в ноге отдаётся болью. Антон бьёт снова и снова, пока хруст не переходит в чавканье.

– Круто стучишь копытом, чел. Уважаю! – внезапно раздаётся прямо над ухом чей-то голос.

– Достали, суки черномазые, – бурчит Антон и вдруг спохватывается – говорят по-русски! – Эй, ты кто? Почему не вижу?

– Раскрой глаза, – посоветовал тот же голос. – И поверни рыло. Я с другой стороны столба.

Антон попробовал – не получилось.

– Не могу, – прохрипел он. – Петля давит. И глаза совсем заплыли.

– Ногами били? – знающе уточнил незнакомец. – Это у них любимая развлечение. Шкура на лице лопаётся, заживает долго... Слушай, у тебя руки связаны?

– Нет, только ошейник и трос. Как у собаки.

– Так чего ж ты сидишь! Живо снимай нож с дохляка... мама родная, тикать треба! – завопил незнакомец.

Антон кое-как дотягивается до трупа. Убитый оказался на удивление лёгким и Антон без труда подтянул поближе. Нож странной формы очень острый, из отличной стали. Стоило только нажать сильнее и трос толщиной в палец оказался разрезан. Антон удивлённо покачал головой – трос-то китайский, что ли? Содрать петлю с шеи оказалось сложнее. Порезал шкуру в трёх местах, но кое-как снял. Избавившись от пут, Антон вдруг осознал, что он на свободе! Ну, не совсем, но до неё осталось немного. Это придало сил. На четвереньках, быстро-быстро, заполз с другой стороны. На земле сидит молодой парень, ноги связаны, руки прикручены к железным штырям, шея прижата к столбу кожаными ремнём. В таком

положении можно только шевелить пальцами. Лица не видно под слоем засохшей крови и грязи. Одежда неопределённого цвета изорвана в клочья, на многочисленных ранах копошатся мухи, кое-где видны белые черви.

– Режь верёвки! – хрипит незнакомец.

Несколько быстрых движений ножом и путы валятся на землю. Дольше пришлось повозиться с ошейником – ржавый гвоздь заело в петле, а резать опасно – можно и башку отчеккрыжить. Антон пару раз ударил рукоятью ножа, штырь нехотя поддался. Незнакомец глубоко вдыхает, несколько мгновение сидит неподвижно.

– Ты идти сможешь? – спросил Антон.

– Не знаю, – честно ответил незнакомец. – Поползу...

Антон огляделся. Вокруг ни души, глиняные домики слепо глядят на мир маленькими окошками, затянутыми промасленной бумагой. За линией лачуг угадывается пустырь. Оттуда доносится неясный шум.

– Там река, – хрипит с земли незнакомец. – Нам туда.

Он внезапно начинает кататься по твёрдой, как камень, глине. Поднимается облако вонючей пыли. Антон на всякий случай отпрыгивает. С опаской спрашивает:

– Ты псих, мужик?

– Сам дурак, понял? – раздаётся хриплый голос из облака пыли. – Кровь разгоняю...

Незнакомец встаёт. Его качает, пыль смешалась с потом и кровью, тело покрыто коркой грязи, короткие волосы торчат иглами и человек похож на демона.

– Линяем! – хрипит он и бросается в узкий проулок.

Антон бежит следом. Он понятия не имеет, куда они направляются, но незнакомец что-то сказал насчёт реки и вообще ведёт себя уверенно. Лицо окончательно распухло, глаза превратились в щели, куда и спичка не пролезет. И без того плохо видно, так ещё и пот льётся ручьём. Антон бежит, спотыкаясь на каждом шагу. Чтобы не убиться, если врежется в дерево или в столб, топырит руки. Примерно так передвигаются ожившие мертвецы в голливудских фильмах. Незнакомец выглядит не лучше. Шум воды внезапно усиливается, в лицо дышит прохладная влага. Антон встряхивает головой, как собака после купания, ошалело смотрит. Прямо перед ним обрыв, внизу мчится поток пены – так ему показалось вначале. Всмотревшись, видит, что это быстрая и узкая река, блестящие валуны разрезают поток на несколько частей, вода скручивается в буруны и вся поверхность укрыта пеной.

– Чё смотришь, минеральную воду никогда не видел? – раздался над ухом хриплый голос.

В следующее мгновение мощная оплеуха швыряет Антона прямо на камни. Он хотел крикнуть, что плавает, как силикатный кирпич, ему нельзя в воду, тем более на камни... Ледяная волна накрывает с головой, холод оглушает и вода заливают лёгкие. Антон в панике отчаянно дрыгает руками и ногами, ступни упираются в твёрдое и жёсткое. Ноги с силой отталкиваются от опоры и Антон выпрыгивает на поверхность, словно пингвин, спасающийся от морского леопарда. Только антарктическая птица делает это молча, а Антон дико кричит и отчаянно машет... плавниками. Дикая круговерть в ледяной воде обрывается внезапно и жёстко – шею сжимают железные пальцы, неведомая сила выдёргивает тело из потока и Антон падает на берег, словно мокрая тряпка. В лицо больно впиваются острые камешки, крупный песок дерёт кожу, будто наждачная бумага. У Антона хватает сил только повернуть голову, чтобы можно было дышать. Он несколько раз глубоко вдыхает свежий воздух, тело блаженно расслабляется. В голове тихо звенит, сонная усталость наваливается с неодолимой силой.

– Чё разлётся, как медуза? – рычит кто-то совсем рядом. – Поднимайся, пюре картофельное!

Болезненный пинок под ребро прогоняет сон, Антон возвращается в реальный мир. Не глядя, машет рукой. Пальцы цепляются за что-то мягкое, сжимают. Антон сильно дёргает, раздаётся треск рвущейся материи и рядом на песок падает тот самый незнакомец, что недавно отправил его в дальнее плавание по бурной реке.

– Уймись, придурок, – бурчит Антон. – Устал я!

– Я тоже не отдыхал! – огрызнулся незнакомец. – Вставай, мы ещё слишком близко от посёлка уродов.

Последние слова прогоняют сонную одурь. Антон с кряхтением, будто древний старик, встаёт, поворачивается к назойливому незнакомцу. Но его уже нет. Антон удивлённо оглядывается – неизвестный уверенно карабкается по отвесной стене. Каменная гряда растёт из песка в трёх шагах впереди. Река много лет грызла камень с этой стороны и берег превратился в обрыв. Антон подходит к стене. Кончики пальцев гладят тёплый камень, взгляд скользит по трещинам, сколам, поднимается выше. Антон никогда в жизни не увлекался альпинизмом и даже в детстве не лазил по гаражам, как все мальчишки. Считал глупостью. И вот сейчас ему надо карабкаться по стене на высоту... ну, метров десять, наверное.

– Шевелись, насекомое! – раздался голос с вышины. – Нас уже ищут, чтобы спустить шкуру.

Последний аргумент подействовал. Антон подпрыгнул. Пальцы сжали каменный выступ, мускулы напряглись. Подражая герою Сильвестра Сталлоне, Антон подтянулся на руках. Схватился за следующий выступ, упёрся ногами, опять подтянулся... Обливаясь потом и обмирая от ужаса, представляя, как шлёпнется на острые камни вниз, Антон добрался до гребня. Из последних сил упёрся руками в горячий камень, рванулся, словно утопающий из проруби и мешком свалился на базальтовую плиту. Капли пота упали на раскалённую поверхность, с шипением вскипели. Щёку ожгло огнём, но Антон не почувал – до того устал.

– Вставай! – прохрипел безжалостный голос.

Антон опять бежал, потом шёл, затем опять бежал. Наконец, в глазах мелькнуло что-то тёмное, в лицо повеяло влажной прохладой и голос палача сообщил:

– Приехали... можешь пойти умыться.

Ничего не соображающий от усталости Антон разобрал только последнее слово. Чахнувший мозг с трудом выстроил цепочку причинно-следственных связей, отыскал аналоги и синонимы, но в последний момент выдал и ложку дёгтя – воробьи купаются в пыли!

– Да ну! Не может быть такое кидалово, – не поверил Антон.

Он попробовал открыть глаза. Слипшиеся веки разодрались с такой болью, будто успели срастись за время путешествия. Со второй попытки все же получилось. Антон стоит на дне большого колодца. Серые стены уходят ввысь, вокруг царит приятный полумрак. Впереди камень расступается, образуя широкий проход. Небольшой ручеёк падает откуда-то сверху. На полу образовалась громадная лужа, из которой выбегает узкий поток. Вода весело шныряет по каменному коридору и ныряет в реку. Её мутно-пенный язык виден неподалёку. Антон поднимает лицо. С прохладного дна ямы далёкое небо кажется нежно-голубым и добрым, а злого солнца вовсе не видеть.

Впереди послышался мощный всплеск, знакомый голос крикнул:

– Ты что, сознание потерял? Иди, умойся, чудо!

Держась руками за стены, Антон приблизился к небольшому озерку. Ноги подгибаются, плашмя, как спиленный столб, рушится в воду... На берег Антон выполз не скоро.

– Давай знакомиться. Меня зовут Андрей, фамилия Федоренко, – сказал невысокий, худощавый парень, протягивая руку.

Продолговатое лицо покрыто веснушками, нос картошечкой, выцветших бровей почти не видно. На скулах темнеют пятна, широкая грудь в кровоподтёках. Но в серых глазах смех и ни капли печали.

– Антон. Антон Лыткин, – тихо ответил Антон и вяло пожал пальцы.

– Очень, оч-чень приятно, – склонив голову, произнёс дежурную фразу новый знакомый. – А теперь, господин Лыткин, расскажите, как угораздило вас попасть в плен к местным разбойникам?

– Да, такая прикольная фигня получилась, – пожал Антон плечами. – Все началось ещё дома ... – и рассказал свою историю, начиная от института и закончив поездкой в Египет.

– Играть, значит, любишь ... – задумчиво произнёс Андрей. – Ну что ж, это погубило многих великих. Почитай Достоевского, у него целый романище родился после того, как он сам в пух и прах продулся в Монте-Карло.

– Обязательно прочту, – согласился Антон. – Только вот выберусь отсюда.

– Так ведь тебя ждут дома... э-э... кредиторы и все такое. Может, не стоит торопиться? – усмехнулся Андрей.

– Да. Спасибо, что напомнил.

Антон сразу помрачнел. Андрей хмыкнул. Пальцы коснулись воротника рубашки, начали что-то там доставать. Через несколько секунд Андрей держит между указательным и большим пальцем иголку с ниткой. Аккуратно кладёт на плоский камень, затем осторожно снимает рубашку. От неё мало что осталось, в основном, рукава. Андрей с хряском отрывает, расплосовывает вдоль шва, срывает манжеты. Антон поворачивается на треск, удивлённо спрашивает:

– Портняжничаете? Никак, на званый вечер собрался?

– Именно так, – серьёзно ответил Андрей. – Подлатаю одежду и, как только стемнеет, посетю наших общих друзей. Хочешь со мной?

– То есть? – не понял Антон. – Ты собрался вернуться?

– Конечно. Нам... ну, мне, нужна одежда, оружие и провизия. Желательно транспорт.

– Андрей, не выпендривайся, – поморщился Антон. – Ты хочешь сказать, что крутой и голыми руками справишься с бандой?

– Так точно, сэр! Именно это я и хочу сделать.

– Дурак! Тебе в детстве на голову DVD-проигрыватель упал, да? Или за компьютером слишком много времени проводил? – ехидно поинтересовался Антон.

– Нет, проигрыватель мне на голову не падал. И за компьютером я не сидел. Не было у меня этого ничего, – усмехнулся Андрей. – Моё детство было... другим.

– Кстати, о юных годах... Ты ничего о себе не рассказал. Сейчас самое время. И вообще, ты кто такой, а?

Андрей некоторое время молча штопает дыру на груди, потом завязывает узлом нитку, обрывает.

– Ну, слушай...

Обычная человеческая жизнь для Андрея Федоренко закончилась в тот день, когда отец и мать были срочно вызваны на завод. Маленький Андрей не понимал, для чего родители каждый день уходят из дома, а его отводят в детский сад. Наверно, надо так. Вечером они не вернулись. Утром их тоже не было. Зато о чем-то горячо шептались соседки по лестничной площадке, поглядывая на маленького Андрея. Через некоторое время Федоренко младшего забрала тётя в сером костюме со смешными звёздочками на плечах. Так Андрей оказался в приюте. О том, что его родители погибли в аварии на заводе, он узнал через несколько лет. А пока сказали, что папа с мамой надолго уехали по делам.

Как бы ни называли детские дома, как бы ни обустроивали, все равно это приют, богадельня. И таковыми останутся навсегда, потому что проблема не в евроремонте, хотя и это важно. Проблема в самих детях. Они – брошенные, ненужные. Чем старше становятся дети, тем острее они это чувствуют. Обида, непонимание очень быстро перерастают в ненависть. Сначала к домашним деткам, сытым и любимым, а потом и на весь род человеческий. Очень редко кому из сирот удаётся перерасти обиды и понять – окружающие не виноваты в их беде. В сытом обществе модно усыновление. Или удочерение. Кинозвезды, политики, банкиры и нефтяные магнаты берут в семью детей из приютов. Прекрасно! Правда, когда об этом сообщают на весь мир, становится противно. Одна певичка делает такое регулярно, причём брать детей из приюта для неё уже пройденный этап. В сопровождении батальона корреспондентов она едет в самые глухие уголки Африки, выбирает там самую гадкую деревеньку и именно оттуда привозит очередного усыновлённого. Негры всей планеты в экстазе! Обливаясь слезами и соплями, они наперегонки бегут в магазины покупать диски Мадонны, обвешивают стены жилищ её фотографиями. Несчастные идиоты не понимают, что балаган с усыновлением ради этого и затевался. Содержание негритёнка обойдётся ей в сотню фунтов за неделю. Заработает – миллионы! Мадонна – старательная бездарность. Подняться выше вокзального ресторана ей позволили современные средства масс-медиа. Разумеется, поработать передком и языком пришлось немало, прежде чем богатые спонсоры доверили ей свои деньги. Которыми она, надо признать, распорядилась весьма умело. Сегодня о ней все знают, но мало кто слушает. Чтобы убедиться в этом, достаточно включить радио – её песен нет ни на одном канале. Изредка прозвучит одна, две... И так – по всему миру. Если конечно, она не оплачивает эфирное время. Впрочем, так поступают все певуны и певунии. Настоящих певцов можно пересчитать по пальцам на одной руке.

Кстати, усыновление ребёнка Мадонна делает не просто так, а по контракту, в котором есть несколько интересных пунктов. Согласно их приёмный ребёнок не может претендовать на состояние «мамаши», не может носить её фамилию и ещё есть ряд очень серьёзных ограничений, которые позволят в будущем избежать юридических и финансовых недоразумений. Усыновление по расчёту.

Принять ребёнка в семью – прекрасно. Только вот... как бы это поделикатнее... придурки мы все, вот что. Мы тщательно выбираем туалетную бумагу, домашние тапочки, зубочистки. Интересуемся у продавца, а мягка ли она, бумага-то, не порвётся там... А как выбирают детей? Да почти как собак в питомнике. Приходят в приют, разглядывают деток некоторое время, интересуются здоровьем, характером. Потом предъявляют справки о доходах, подписывают документы... и все. Ну, примерно все, на самом деле немного посложнее. И забирают ребёнка. Статистика возвратов ужасает. Цифры не публикуются в открытой печати, но при желании узнать можно. Тысячи детей по всей стране возвращаются обратно. Маленький человек верит большим людям, а те его безжалостно обманывают. Конечно, далеко не каждый может позволить себе нанять квалифицированного психолога, который займётся подбором ребёнка, учитывая ваши особенности и характер. Он изучит вас, вашу жену. Если есть собственные дети, то и их. Только так и нужно делать, но кому это надо? Найди того психолога, ходи к нему на собеседования, потом вези его в детский дом, да не раз и не два... Платить ещё надо! Воспитателям тоже лишние заморочки не нужны. Они ведь люди. Работают на одну зарплату, которая, мягко говоря, не самая высокая в стране. Дети разные, непослушные, со своими проблемами. Да и у самих воспитательниц дома сложностей хватает. Ну, зачем им грузиться чужими бедами? Вы пришли к нам, чтобы выбрать ребёнка? Пожалуйста, вот они, смотрите. А если дадите пару сотен, то я вам расскажу кое-что важное вот об этом мальчике... Куда проще и, главное, дешевле, выбрать самому по уровню симпатичности мордашки, привезти домой и, если не понравится, вернуть обратно, как ненужную

вещь. А что? Я ж не избивал его, как некоторые, не ошпаривал кипятком. Ребёнка возвращают туда, откуда он мечтал уйти навсегда. Он окончательно теряет веру в людей и мир. И тогда ангел начинает превращаться в дьявола.

Андрея дважды усыновляли и отказывались. Первый раз возврат объяснили тем, что мальчик излишне любопытен, непослушен и не желает подчиняться установленному в семье распорядку дня. Второй раз вернули потому, что малыш залез в бар и расколотил все бутылки с напитками. Причём делал это столько раз, сколько глава семьи восстанавливал запасы спиртного. Когда приёмные родители ушли, воспитательницы расспросили маленького Андриюшу, зачем он это делал. Мальчик объяснил, что первые приёмные родители много пили. Потом избивали его за малейшие провинности и заставляли работать. Он решил, что это из-за водки. Поэтому, когда попал в дом вторых приёмных родителей, он сразу нашёл бутылки с красивыми наклейками и вылили все содержимое в унитаз. Несколько бутылок разбил, да. Но они были такие большие и тяжёлые! В конце концов бездетной супружеской паре надоел такой «беспредел» и они решили, что лучше избавиться от ребёнка, чем от дурмана в дизайнерских посудилах. После второго возвращения в детский дом Андрей окончательно разуверился во взрослых. В приюте продолжали появляться кандидаты в родители для сирот. На симпатичного мальчишку обращали внимание, но малыш наотрез отказывался даже разговаривать с чужими. Когда его однажды спросил один очень ухоженный господин, почему он не хочет уходить из приюта, Андрей по-взрослому ответил:

– У нас с вами ничего не получится.

Постепенно мальчик замкнулся в себе, стал меньше общаться со сверстниками, а игры предпочитал такие, в которых победителем выходил тот, кто сильнее. Андрей рос, его перевели в приют для подростков. В замкнутом коллективе детского дома существует своя особая иерархия. Есть «вождь» и есть «свита», она же прислуга и палачи. Каждый вновь прибывший должен войти в состав «свиты». Или стать «вождём». Если первое не хочется, а второе не по силам, ты превращаешься в изгоя. Это – самое трудное. «Одиноким волк» звучит красиво и романтично, но на самом деле таковых почти нет. Или ты в стае, или стая тебя уничтожит. Четырнадцатилетний Андрей был равнодушен к «должностям», но становиться мальчиком на побегушках – а именно такова первая роль в свите, не хотел. Закалённый в детских боях, он легко вышел победителем из схваток один на один. А каково ночью? Или когда рядом нет воспитателя? Стая набросится. Впрочем, в этом приюте существовал неписанный кодекс чести, который гласил – все на одного не набрасываются. Но что значит какой-то кодекс, если власть в опасности. Где и когда вы видели честного вождя, будь то бригадир дворников или президент страны? Андрея несколько раз били. Он сопротивлялся, но что можно сделать одному на пятерых? Оказывается, многое, если не разевать варежку и не тормозить. Одно правило Андрей усвоил раз и навсегда – если драки не избежать, бей первым и наверняка. Когда на него набросилось сразу шестеро на лестничной площадке, он дрался до последнего. Ему досталось крепко, неделю потом отлёживался – воспитателям сказал, что сорвался с крыши сарая. Никто не поверил, конечно, но такое объяснение всех устроило. Кто хочет выносить сор из избы? Шестерым нападавшим обломилось тоже – у всех были синяки, ссадины и разбитые губы. После того, как противники восстановили силы, стычки возобновились. Но теперь нападал Андрей! Он решил не ждать, когда стая устроит ему засаду там, где удобно им и не выгодно ему. За один вечер вывел из строя пятерых. Остался последний, шестой. Этот парень не участвовал в драке, но был тем самым «вождём», вокруг которого все и вращалось. Андрей резонно решил, что этот «пуп» надо уничтожить раз и навсегда. Неформальный лидер был избит на глазах у всех, прямо в столовой, сразу после ужина. Дежурная воспитательница благоразумно не вмешивалась. Решила, что пусть все идёт естественным путём и вообще, утро вечера мудренее. Ну не убивать же

будут друг друга? Мальчишечья драка закончилась быстро. Низложенный «вождь» убежал. Его вернули в приют через три дня с помощью милиции. Вокруг Андрея сразу начал образовываться этакий кружок почитателей, но он всех прогнал и остался один. В конце концов, в приюте обстановка успокоилась и, хотя Андрей вовсе не собирался быть лидером, тем не менее, им стал. Прошло несколько лет...

Андрей Федоренко подошёл к проходной военного института сухопутных войск. На руках аттестат с неплохими оценками и – самое главное! – отличная характеристика, написанная собственноручно директором детского дома. Опытный педагог решил, что молодой человек с задатками лидера, сильный и жёсткий, лучше всего реализует себя в армии. Особенно если учесть, что к казарме ему не привыкать.

Впрочем, первый блин вышел комом, как это чаще всего и бывает. На экзаменах Андрей провалился. Детдомовское образование не сравнить даже с обычной школой, а в этот институт поступали из столичных учебных заведений. Но Андрей не сильно расстроился. Прекрасно понимал, что выше головы не прыгнешь и потому сразу пошёл в военкомат. Не поступил с гражданки, поступит с армии! Так и вышло. Не прошло и года с момента призыва, как рядовой Федоренко опять стоял у проходной военного института. Годы учёбы пролетели... ну, не то, чтобы незаметно – гоняли юнкеров и в хвост и в гриву, но все же достаточно быстро. Потом первые погоны, первый контракт.

– А второй я подписывать не стал, – сердито произнёс Андрей.

– Почему? – удивился Антон. – Если служба идёт, чего от неё отказываться? Или, может, у тебя несчастная любовь-морковь приключилась? – усмехнулся он.

– Да иди ты ... – беззлобно ответил Андрей. – Я что, на голову больной? Просто... ну, как тебе объяснить... Равных возможностей никогда не было и не будет. Если ты сын большого начальника или у твоего папы много денег, то даже будь ты трижды идиотом, карьерный рост тебе обеспечен. Это на гражданке выдают диплом и все, иди куда хочешь. В армии распределяют по частям. И вот тут-то и начинается неравенство. «Сынки» едут в крупные города, часто сразу в штабы, остальные кто куда. Дыры затыкают. Могут засунуть в такое место, что и воинским подразделением назвать нельзя.

– А как его можно назвать, если не секрет? – съехидничал Антон.

– Не остри, дурень. Это совсем не весело. Жизни там калечатся навсегда. Представь себе полк или отдельный батальон, в котором все пьют, законы не действуют, существует только право сильного.

– Да не фиг делать! – пожал плечами Антон. – Стройбат гденибудь в Сибири или в Забайкалье. Я сам в такой банде полтора года прослужил.

– Да? Ну ты молоток! Только служил ты солдатом, то есть при любом раскладе дембель и гори она, родная армия, синим пламенем. Офицер другое дело. Если выгонят, куда пойдёшь? Ведь специальности нет.

– А дипломы вам дают о высшем образовании для чего? Вы ж все инженеры! – удивился Антон.

– Только на бумаге, – отмахнулся Андрей. – На самом деле все не так. Ладно... Одним словом, отслужил я в степях Забайкалья пять лет и решил – хватит. Пусть местные буряты и прочие нанайцы бегают по сопкам, им не привыкать. Они и так этим занимаются с детства. От продления контракта я отказался. Вернулся в Питер – я тамошний – получил гражданские документы и сразу обратился в турфирму за путёвкой во Францию.

– О-па! ... Из степей да в Париж! Крутой ход... И какого ж хрена ты там собрался делать? – спросил Антон.

– Париж мне тогда был не нужен. Он и так от меня никуда не денется. Я поехал поступать в Иностранный легион.

– Так ты легионер! – воскликнул Антон. От неожиданности подпрыгнул, лицо болезненно скривилось – глаза не «вытаращиваются» из-за опухолей. – Я слышал о легионе... много всякого.

– Да, брешут достаточно. Особенно те, кого выгнали. На самом деле очень серьёзная государственная организация.

– Расскажи!

9 марта 1831 года французский король Луи-Филипп Орлеанский издаёт декрет о формировании легиона, запретив его использование на территории Франции. Причина такого странного решения была проста: король хотел убрать из страны наёмников Карла 10 Бурбонского, остатки иностранных полков Наполеона, поляков и итальянцев, участвовавших в бунтах на территории своих стран. Это была многотысячная масса мужчин, обладавших реальным боевым опытом и потому представлявших серьёзную опасность для короля.

В это время разворачивается новая военная кампания Франции в Северной Африке и стране нужны солдаты. Иностранцы, умеющие только убивать, оказались кстати. Король убивал двух зайцев – избавлялся от возможных врагов государства и направлял боевой потенциал солдат-профессионалов на расширение сферы влияния Франции.

С тех пор многое изменилось, колониальные войны канули в прошлое... Так ли?

Уже более 200 лет во Франции спорят о всеобщей воинской обязанности, которая остаётся неприкосновенной по сей день. Защита Родины – священный долг французского гражданина. Другое дело – заморские интересы этой самой «родины». Именно поэтому французы доверяют служить в горячих точках добровольцам-легионерам. Солдатские матери Франции не требуют вывода войск из Джибути, Чада, Сенегала, Кот д-Ивуара, Габона, Гвианы, Майотты, Центральной Африки. Никого в мире не удивляет и не шокирует, что Франция более 30 лет не прекращает войны в Африке, где свергает и устанавливает режимы, как Бог на душу положит. Интервенции носят скоротечный характер, без больших – ну, почти! – потерь среди местного населения и всегда выполняются наёмниками-профессионалами, а не французскими призывниками. Общественность не имеет ничего против.

По сути дела, Иностраный легион – это чужие руки, которыми «благородная» Франция загребаёт жар из костра. Но так было не всегда. Если внимательно посмотреть на историю легиона, в ней можно найти... всякое. Итак:

– 9 марта 1831 года опубликован декрет о создании Иностранного Легиона. Впервые 7 батальонов под командованием швейцарца полковника Штоффеля отправились на завоевание Алжира. До 1962 года история Легиона и этой страны стала неразрывной.

1836 год – первая крупная победа легионеров – бой с войсками Абд-эль-Кадыра; тогда легионеры применили рассыпную тактику лёгкой пехоты против арабской конницы и пехоты. Впервые были применены разрывные пули. Французы закладывали в мушкеты по две пули, во второй дела надрезы, из-за которых при попадании пуля разрывалась на части (знаменитые пули «дум-дум»).

1854—1855 – вместе с англичанами и турками штурмовали Севастополь во время Крымской войны.

1859 – успешные действия против Австрии. Легион получает право участвовать в парадах 14 июля в Париже.

1863 – Легион участвует в мексиканской авантюре Максимилиана – ставленника французов. Гасиенду Камероне, где в течение целого дня отбивались три офицера и 62 легионера под командованием однорукого капитана Деню осадил три тысячи мексиканцев. Уничтожив более шестисот солдат противника, пятеро оставшихся в живых легионеров поднялись в последнюю штыковую атаку. Трое попали в плен. С тех пор только легионеры как парад-

ный головной убор носят белое кепи (обычно – зелёный берет) Со времён мексиканского похода к их униформе добавлен особый аксельбант.

1871 – в нарушение закона силы легиона использовались для подавления Парижской коммуны.

Конец 19 – начало 20 века. Легион утверждает власть Франции в Индокитае, Дагомее, Судане, Мадагаскаре, Марокко.

Первая мировая война – легионеры сражаются на Марне, Сомме, под Верденом.

После Октябрьской революции и гражданской войны в Легион поступило много русских.

Вторая мировая война – в момент капитуляции Франции 13-я полубригада Иностранного Легиона, направленная в помощь Финляндии против СССР, оказалась в Норвегии. Она перешла на сторону Де Голля и стала основой вооружённых сил «Свободной Франции», сражалась в Ливии, Италии, Франции, закончила войну в Германии. 25 сентября 1940 года зафиксирована первая капитуляция легионеров: 2 батальон 5-го полка Легиона сдался японской армии в Ланг Соне. Следующим стал батальон Легиона в Марокко, без единого выстрела сдавшийся в 1942 году высадившимся американцам.

1945 – 1954 гг. – бывшие противники воюют вместе: в Индокитае в составе Легиона было 18 тысяч немцев. Легион вырастает до ста тысяч личного состава. Два крупных сражения – на шоссе №4 и у Дьен Бьен Фу Легион проигрывает.

В настоящее время Легион представляет интересы Франции во Французской Гвиане (Южная Америка), охраняя космодром Куру и «отслеживая» нелегальные артели золотодобытчиков в джунглях, в Джибути и на Майоте, сохраняя влияние Франции в Восточной Африке. Легионеры присутствуют в составе миротворческих миссий ООН в кипящем котле Балкан, беспокойном Сомалийском роге. Периодически выполняют контракты « по восстановлению конституционного порядка» в странах Центральной Африки.

Необходимо отметить, что наёмничество в России является уголовным преступлением, так что обращаться в посольство бесполезно. Наиболее распространённый способ следующий: поездка во Францию по туристической визе. Основные вербовочные пункты расположены в Париже и Страсбурге. Адреса легко найти в интернете. После того, как вы попали на вербовочный пункт, вы проходите собеседования, медкомиссии и так далее. То же самое, что и в наших военкоматах. За одним исключением – очень тщательно собеседование с офицерами безопасности. На жаргоне это называется «гестапо».

Сильно врать не надо, профессиональные психологи вас расколят за минуты. Да и бояться особо нечего. Если вы не серийный убийца и не маньяк, собеседование пройдёте. Остальное – участие в уличных бандах, ограбления банка или вооружённый налёт на сексшоп вам простят.

Сдаёте довольно слабенький зачёт по физической подготовке и... все, вы приняты на испытательный срок. Если не передумаете, то через неделю – полторы вы принимаете присягу и вас отправляют в учебный лагерь возле города Кастельнодари в Пиренейских горах.

Ну, а дальнейшая ваша судьба зависит от вас. Вы будете учиться жить и воевать по уставам Легиона, изучать английский и французский язык и служить. По окончании «учебки» распределение зависит от ваших успехов в учёбе и воинской специальности. Вопреки распространённому мнению, что легионеры – это сплошь парашютисты, вы убедитесь, что Легион универсальное воинское соединение. В его состав входят три пехотных полка, один учебный, один бронетанковый, два инженерно-сапёрных полка, одна полубригада и отряд спецназа, дислоцирующийся на острове Майот. На сегодняшний день это оптимальная организация Легиона, соответствующая выполняемым задачам.

Так что красить морду чёрным и зелёным кремом, прыгать с парашютом ночью на джунгли и рвать пасти крокодилам голыми руками не обязательно.

Жалованье легионера примерно таково:

Легионер с выслугой 10 месяцев получает 1033 евро, парашютист на Кальве 1289 евро, с надбавкой за службу в заморском департаменте 1306 евро, с учётом пособия по пребыванию за рубежом – в Джибути получается 3968 евро в месяц. Проживание в казарме и питание бесплатно.

Денежное содержание увеличивается в зависимости от выслуги лет, звания и заслуг. Если вы старший старшина – есть такое звание в Легионе – и выслуга составляет 21 год, то во Франции вы получаете около двух тысяч евро, в Гвиане почти две с половиной тысячи, а в Джибути аж пять с половиной тысяч.

Если вы на войне – а Легион для этого и предназначен, то месячный оклад может достигать пяти или восьми тысяч. Только следите за тем, чтобы вам башку не прострелили!

После пятнадцати лет службы всем легионерам положена пенсия более тысячи евро вне зависимости от страны проживания. Французское гражданство тоже предоставляется, но для его получения необходим безупречный послужной список и не менее четырёх или пяти лет службы.

Глава 3

– ... я отслужил уже почти четыре года, осталось совсем ничего и французский паспорт у меня в кармане, – закончил рассказ Андрей.

– Да, заманчиво, – кивнул Антон. – Только вот ... – замялся он, – не жалко родину терять?

– А я её не теряю. С чего ты взял? – удивился Андрей. – Обменять французский паспорт на наш всегда можно.

– Так ли? – усомнился Антон. – Я слышал, какие проблемы возникали у тех, кого выгнали из «братских» республик. В паспортных столах крысы те ещё! Замудохаешься доказывать, что ты не верблюд. А у тебя за спиной служба в Иностранном Легионе.

Андрей помрачнел.

– Отступать поздно. Ну что я видел в «непобедимой и легендарной»? Пьянство, зуботычины... Тупость, наконец, просто непроходимую! – загорячился он. – Офицеры годами тянут лямку в глухомани без малейших перспектив хоть когда-то выбраться оттуда. Все обещания предоставить квартиры остаются только на бумаге. Нет, комнату в общежитии дадут или служебную хату. На время. А потом куда? На улицу? Тысячи офицеров, которые честно служили этой самой Родине, на всю жизнь остаются в гарнизонных квартирах, потому что больше некуда пойти! А дети, жены? Ведь они тоже люди! Конечно, обвешают медальками за безупречную службу, за выслугу лет... А толку с них?

Андрей замолчал. От реки несётся монотонный шум, влажный воздух гладит лица. Изредка волна мелких брызг дотягивается до людей и тогда моросит невидимый холодный дождик.

– Ты не сердись, Андрей. Я человек не военный, мне трудно судить, – примирительно сказал Антон. – Но я слышал, что служба в Иностранном Легионе у нас считается чуть ли не предательством.

– Это почему?

– Ну... интересы страны, скажем так, простираются далеко. В том числе и в Африку. А если придётся воевать со своими? – осторожно спросил Антон.

– Интересы страны? – усмехнулся Андрей. – И что это такое?

Антон пожал плечами.

– Так говорят... Я не знаю, если честно!

– Не знаю ... – передразнил Андрей. – Чего ж тогда ляпаешь? Умничать хочется?

Он надел рубашку. Заплаты сидят криво, но прочно. Жилистые руки покрыты загаром, под бронзовой кожей перекачиваются мышцы, как голодные удавы.

– Страна – это люди. Скажи мне, какой такой интерес может быть у жителя тамбовской глубинки в республике Кот д-Ивуар? Да он и слова-то такого не слышал и на карте не найдёт эту самую «республику». А Заир, Конго? Нет и никогда не будет никаких пресловутых «интересов» у простого русского или француза в этих Богом забытых дырах! А вот у транснациональных компаний – у наших в том числе! – есть, да ещё какие! Потому что в недрах этих стран имеется много чего ценного. Неграм оно не нужно, их, как и двести лет назад, интересует барахло – машины, тряпки, электроника для развлечений и халявная жратва. Вот они-то, эти самые интересы компаний и сталкиваются в Африке. Ты, дорогой, не путай Божий дар с яичницей. Защита Родины – это одно, а защита корыстных интересов властных кланов и стоящих за ними корпораций – совсем другое. Французы поступают честно. Да, говорят они, у нас есть корыстный интерес к Африке. Мы приводим к власти угодные нам режимы и свергаем... ненужные, скажем так. Мы добываем золото, платину, уран, алмазы и много чего ещё по дешёвке, обрабатываем и продаём втридорога, так как население Фран-

ции потребляет все больше, а собственные ресурсы ограничены. И точно так же поступают все так называемые «развитые страны». Если мы откажемся от поддержки марионеточных режимов, лишимся дешёвой рабочей силы и ресурсов, то наши соседи и союзники по объединённой Европе сожрут нас и не подавятся!

Андрей замолк, шумно выдохнул, переводя дух.

– Ну, согласен, – кивнул Антон. – А тебе-то что в интересах Франции?

– Деньги, – просто ответил Андрей. – Этот мир устроен так, что без них никуда. Нет Города Солнца на земле и не будет. Я служу Франции за деньги. А воевать против своих... Скажи, кого ты считаешь своими: того тамбовского мужика, что пашет на трёх работах, чтобы прокормить семью, или наёмника, который идёт в армию, чтобы за деньги убивать тех, кого прикажут? Негров, индейцев, чеченцев – все равно, лишь бы платили. Мне рассказывали, что чечены могли отпустить из плена солдата срочника – чаще убивали, понятно, но все же случалось, отпускали. А вот контрактников только меняли на деньги или убивали. Потому что первые шли на войну по принуждению, а вторые – за деньги. Конечно, им говорили, что они защищают целостность России, борются с международным терроризмом... Озверевшему от безработицы и нищеты люмпену все равно, терроризм или коммунизм, лишь бы бабло давали.

Одно дело – служить день за днём, исполнять повседневные обязанности. Если прикажут – воевать, а потом дальше служить. Совсем другое – вербоваться на короткий срок, за определённую сумму, на конкретную войну. Если это не наёмничество, то что? Какие они, на хрен, защитники Родины? Я поступаю честно. Воюю за интересы французских компаний. Они платят мне согласно заключённого контракта. В истории Легиона не было случая, чтобы легионера обманули. Если и столкнусь в бою с нашими, то это будут такие же наёмники, как и я.

– Ладно, – вздохнул Антон, – спорить не буду, тем более, что я в этих делах мало что смыслю. А ты сам-то как в плен попал?

– Да понимаешь, – покрутил головой Андрей, – так глупо получилось... неудобно рассказывать. В отпуске я, дали десять дней. Хотел отдохнуть и позагорать. Вообще-то дурь, в Джибути и так где угодно загорать можно и море есть, но страна дикая, сервиса ноль. В Египте хоть что-то имеется. Одним словом, выпил лишку ну и... Помню только, как дрался с черномазыми, потом получил по башке и отрубился. О том, что я капрал Легиона, бандиты не знают. Думают, что француз. Требовали адрес родственников, чтобы послать письмо за выкуп. А что я им скажу, если этих самых родственников у меня нет? Не верят, уроды! – засмеялся Андрей.

– А чего ж адрес Легиона не назвал? – удивился Антон. – Твои командиры получили бы известие о пленении, организовали сразу операцию по освобождению. Вы ж такая круть!

– Не все так просто, – помрачнел Андрей. – Освободят, конечно. Только вот сам факт, что легионер попал в плен, да ещё к этим... – махнул он рукой, – одним словом, позориться не хочу. К тому же командировка предстоит на днях в Марокко. Могут отстранить. А за войну платят втрое и срок службы идёт быстрее. Сам вляпался, сам и отмываться буду. Поможешь?

Антон почесал в затылке. Вспомнил, как его били, с каким презрением смотрели негры в дурацких юбках и в душе начал медленно разгораться огонёк злобы.

– А чё нет? – пожал плечами.

Возвращаться решили вечером, когда спадёт дневная жара. Андрей объяснил, где они сейчас находятся. Антон с удивлением понял, что они пересекли участок пустыни шириной около десяти километров. Потом река вынесла к горной гряде. Поднялись на плато и спустились в расщелину, опять к той же речке, которая петляет здесь самым странным образом.

– Мы случайно сюда забрались или ты заранее знал, куда идти? – подозрительно спросил Антон.

– Ну, примерно... В своё время я изучал северо-восток Африки по спутниковым фотографиям и так, в гугле. Определил координаты той деревеньки, где нас держали, вспомнил, где и что. Полной уверенности, конечно, не было, но, как видишь, сумел запутать следы и выйти к воде. Без неё мы бы загнулись на жаре.

– Теперь дряпаться обратно! – вздохнул Антон.

– Ничего, по холодку, не торопясь... Прогулка!

Андрей оказался прав. Молодой организм быстро восстановил силы, мышцы запомнили движения и карабкање по камням уже не казалось таким утомительным делом. Выбрались из расщелины, прошли по каменному плато. Спускаться вниз, опять к реке, страшно-вато. Антон с сомнением посмотрел вниз. Ущелье показалось бездонной пропастью, по дну которой несётся бурлящий поток. Даже на секунду усомнился, что именно по такой реке они плыли. А подниматься по отвесной стене вообще невыносимое дело! Может, он как-то по-другому здесь оказался?

– Слабо? – спросил Андрей.

Антон пренебрежительно хмыкнул.

– Тогда делай, как я!

И Андрей начинает спуск, словно для него это так же просто, как перейти на другую сторону улицы. Антон тихонько вздыхает, мелко крестится и отправляется следом. Спускаться всегда труднее, чем подниматься. Дело в том, что все время смотришь вниз, чтобы не оступиться. Взгляд скользит по стене, волей-неволей упирается в дно пропасти. Если, конечно, его видно. А когда внизу все затянуто дымкой и земля не просматривается, тогда все иначе. Включается воображение. Такие картинки себе представляешь, что мороз по коже и руки дрожат, мышцы наливаются холодной водой, пальцы разжимаются... Надо как следует разозлиться на себя, обругать последними словами... ну, вобщем, сделать все, чтобы ободриться, поверить в собственные силы и тогда станет легче. Антон так и сделал. Постепенно ушла дрожь, мысли перестали суматошно метаться вокруг одного и того же – падение, дикий крик и смачный шлепок тела о камни. Он просто лезет по стене, не торопясь, спокойно. Тут много трещин, разломов, куда удобно ставить ноги и сухие пальцы совсем не скользят. Черт возьми, оказывается, быть альпинистом так просто!

– Ты засыпаешь, как муха на стекле! – спугнул приятные мысли раздражённый голос Андрея. – Пошевеливайся, стройбат!

Голос звучит как-то странно, словно издалека. Антон опускает взгляд, но напарника нигде не видно. Антон немного отклоняется от тёплой стены, смотрит ниже... Мать честная! Да он уже на земле. Проклятый легионер стоит на дне ущелья и злобно скалится. Вот гад! Антон прикинул, сколько ему осталось. Получилось не так чтобы много, но этажей шесть будет. Ежели шмякнется, не встанет. Подгоняемый окриками Андрея Антон спускается вниз. Раздражённый издёвками и матерными обзывалками, которыми в изобилии награждал его легионер, Антон совершенно забыл о страхе, полз вниз быстро и уверенно. Силы придавала мысль, что вот сейчас спустится и набьёт морду нахалу. Когда до дна осталось метра полтора, Антон прыгнул. Едва ступни коснулись жёсткой земли, развернулся и приготовился прыгнуть на обидчика с кулаками. Но гад ползучий куда-то исчез. Антон замечает движение, поднимает взгляд. Легионер, сволочь этакая, уже поднялся на другую стену так высоко, что до него камень не докинешь.

– Тьфу, зараза! – выругался Антон. Не помня себя от злости кинулся в реку. Течение оказалось очень сильным, на скользких камнях трудно держать равновесие и он на несколько минут забывает о напарнике. Когда выбрался на берег, Андрей был уже почти на краю обрыва и уверенно лез дальше. Антону ничего не оставалось, как карабкаться следом. Через

двадцать минут злой и распаренный от пота Антон поднимается на гребень. Легионер сидит на плоском камне совсем рядом. Руки измазаны кровью, пальцы аккуратно сжимают кусок сырого мяса. По краям свисают клочья кожи, покрытой рыжей шерстью. Рядом лежит не то крыса, не то суслик. Голова расплющена, кровь и мозги вытекли на камень и успели подсохнуть.

– Ты молодец. Для первого раза просто отличный результат, – спокойно говорит Андрей. – И подгонять не пришлось. Другие чуть не рыдают в подобной ситуации, в истерику впадают. Я вот тут пару крыс прибил, одна твоя. Поешь, время ещё есть.

Антон глубоко вздохнул. Тыльной стороной ладони провёл по влажному от пота лицу. Слабый ветерок остудил шею, грудь, взмокшие волосы приятно заохлоло. Подобрал с земли плоский камешек со сколом. Неумело распорол шкуру, вытряхнул внутренности. Сырое мясо пахнет не очень вкусно, но если не жрамши трое суток или больше, то сойдёт. Антон отдирает мясо мелкими кусками, плотает не жуя. Когда приступ голода утих, спросил:

– Чего так лаялся?

– Клин вышибают клином. Ты же служил, должен понимать. Злость поборол страх перед высотой. А иначе пришлось бы уговаривать два часа, – тихо ответил Андрей.

Солнечный диск за спиной наливается багровой кровью, тяжелеет и медленно сползает по небосклону. Становится заметно прохладнее. Антон отложил остатки крысы, тщательно вытер губы.

– Куда теперь?

– Туда, – мотнул головой Андрей за спину. – Небольшой марш по ночной пустыне и на рассвете мы в деревне дураков.

– А небольшой – это сколько?

– Километров десять. Мы ж бежали сюда, забыл?

– Не помню, – признался Антон. – Все было, как в тумане. На автомате шёл.

– Лады! – хлопнул Андрей по коленям. – Готов?

– Да.

Бежать по ночной пустыне вовсе не так просто, как кажется на первый взгляд. Песок не везде плотный, ноги проваливаются, из-за этого сбиваешься с темпа и быстро устаёшь. Приходится чередовать бег с ходьбой. Помогает то, что нет слепящего солнца и жара не изматывает. Темнота опустилась на землю. На смену тёплому дневному свету пришёл мертвящий лунный отблеск. Пустыня словно фосфоресцирует, редкие кусты кажутся клочьями седых волос, камни напоминают осколки выбитых зубов великана. Стылый песок хрустит под ногами. Сухие лапы сжимают ступни, с неохотой отпускают и опять тянут вниз. Повезло, что этот участок пустыни оказался относительно ровным. Уже через два часа непрерывного бега на побледневшем горизонте нарисовались неровные зубцы хижин.

– Как будем действовать, легионер? – прошептал Антон.

– Очень просто. Зайдём в деревню, обзаведёмся оружием – я знаю, где оно есть, потом перебьём всех подряд.

– А это не чересчур? Все-таки мирные жители, – засомневался Антон.

– Раскрой глаза. Где они, эти мирные? В таких посёлках все население живёт грабежами и мародёрством. Мужчины уходят на промысел, а бабье отстирывает кровь с одежды – она снята с трупов, перешивают, меняются с родственниками и подругами. Грабежи и захват заложников семейный промысел. Отец берет на «дело» подростков сыновей, деды передают опыт и учат внукам. Эта мразь нас за людей не считает. Мы для них мясо, скот для обмена на баксы.

– А собаки? Они ж лай поднимут!

– Нет. Эти твари считают их нечистыми животными и потому не держат.

В предрассветном воздухе висит тяжёлый запах испражнений, подгорелого жира и помойки. Поселение представляет из себя беспорядочное скопище лачуг из фанеры, пластика и картона. Только в центре, на возвышении, стоят дома из обожжённой глины, оштукатуренные мелом. В одном из них держали Антона.

– Нам туда? – кивнул он.

– Да, но не сейчас. С пустыми руками в гости не ходят, – прошептал Андрей.

Миновали окраину. Идут осторожно, чтобы не вступить в свежую лепёшку человеческого дерьма или просто лужу подсыхающей мочи. По холодной земле ползают тёмные тучи сонных мух, в дерьме копошатся белые черви. Там, где земли касаются лучи солнца, собираются тараканы. Коричневые спины блестят полированным хитином, усы важно шевелятся. Из-за множества насекомых раздаётся непрерывный шорох. От вони, грязи и гадкой живности Антон почувствовал тошноту. Спазмы сдавили горло, он с трудом выговорил:

– Андрей, я щас харч метну.

– С ума съехал! На блевотину сбегутся все тараканы, деревню разбудят топотом. Затыкай пасть чем хочешь, только не рыгай! – зашипел он, свирепо вращая глазами.

Возле глинобитных домов почище. Тяжёлые запахи остались ниже. От сухой земли поднимается слабое тепло, белые стены похожи на ограду больницы для умалишённых. Андрей подпрыгивает, подтягивается и оказывается наверху. Антон проделывает то же самое. Оба спрыгивают во двор, на мгновение замирают. Сонная тишина неподвижна, ни один посторонний звук не нарушит. Под стеной дома на двух столбиках подвешен самодельный гамак. На сплетённых верёвках развалился тот, кто должен охранять покой и сон хозяев – часовой. Худой негр в оранжевой юбке спит в гамаке, безобразно разинув щербатый рот. Грязные пятки чуть-чуть не достают до земли, рука свесилась, вторая лежит на груди. Автомат тут же, в гамаке. Рядом «лифчик» с магазинами. Андрей покачал головой, в глазах вспыхнул злобный огонёк – таких стражей надо убивать на месте. И не только чужих! Спящий так и ушёл в мир иной, не просыпаясь. В тишине отчётливо прозвучал тихий треск шейных позвонков, бездыханное тело опустилось на землю. Андрей накиннул на грудь «лифчик» с гранатами и запасными магазинами, автомат повесил на плечо. «Калашников» оказался китайским, с примкнутым штык-ножом под стволом. Привёл в боевое положение. От лёгкого тычка дверь бесшумно отворяется. Из тёмного проёма дохнуло запахом немытого человеческого тела и сладковатым дымом. Андрей и Антон входят внутрь, быстро отступают в тень с прохода. Глаза быстро привыкают к полумраку. Хорошо видны соломенные циновки, на которых лежат люди. Автоматы в беспорядке валяются в углу, словно охапка хвороста. Спящие лежат в странных позах – одни на спине, широко раскинув руки и ноги, другие свернулись калачиком и закрыли головы руками, словно ожидают падения камней. Третьи вообще спят, на корточках, уткнувшись лицом в солому, как будто сон незаметно подкрался во время молитвы. Всего Антон насчитал десять человек.

– Много же их! Я всего троих видел, – шепчет он.

– Это не все. Могут быть ещё, – чуть слышно отвечает Андрей.

Поднимает автомат, штык-нож нацеливается на ближайшего бандита. Антон останавливает движением руки. Андрей вопросительно смотрит, брови сходятся на переносице – чего, мол, ещё? Вместо ответа Антон вытаскивает шомпол, правую ладонь обматывает тряпкой. Берет стальной прут таким образом, что тупой конец упирается в ткань. Шомпол торчит из ладони, словно чёрный шип. Медленно подходит к ближайшему бандиту и с силой вонзает шомпол в ухо. Тело дёргается в быстрой конвульсии и сразу расслабляется. Второй бандит только вздрагивает, у него открывается рот, в тишине слышен короткий выдох...

Антон убил шомполом всех бандитов в комнате. Андрей молча наблюдал за действиями напарника, стоя у двери. Ствол автомата перемещался всякий раз, когда Андрей при-

ближался к очередной жертве, словно подстраховывая. Антон тщательно вытер шомпол от крови и мозгов тряпкой, протянул чёрный прут Андрею. Тот вставил шомпол на место, внимательно посмотрел в глаза.

– Видать, здорово тебя достали такие вот... разноцветные, – сказал он, кивая на трупы.
– Было дело, – сквозь зубы ответил Антон.

Достаёт из кучи автоматов один, внимательно проверяет маркировку. Кивает, оружие падает за спину на ремень. Подсумок для магазинов цепляет на пояс.

– Чей? – спросил Андрей.

– Румынский. Дерьмо ещё то, но остальные вовсе пакистанские или местные умельцы в подпольных мастерских сделали.

Минуют ещё одну комнату, останавливаются перед дверью. Плотно сбитые доски богато украшены резьбой.

– Дальше я сам. Там, – кивнул на дверь, – наверняка живёт главарь. Тот пузатый урод в хоккейной маске должен быть тут. Он мне мно-ого должен!

– Давай, легионер, – подмигнул Антон.

Андрей по-кошачьи бесшумно проскальзывает в тёмный проем. Через мгновение в тишине громко звучат чавкающие звуки, раздался короткий стон, потом что-то треснуло... Антон прикрыл дверь.

Бандитский посёлок был разбужен на рассвете взрывами гранат и автоматными очередями. Андрей предложил действовать по стандарту Иностранного Легиона – в каждую лачугу по гранате и стрелять по всему, что движется. Это наиболее эффективная тактика карательной операции. Лачуги разлетаются вдребезги от гранатного взрыва, листы пластика взлетают к небу, словно сухие листья, клочья фанеры и картона сыпятся на землю мелким дождиком. Вокруг и так было достаточно мусора, но теперь его столько, что некуда ступить. Улица в посёлке всего одна. Андрей работает с правой стороны, Антон с левой. Часто приходится прикрывать голову руками, так как мелкая дрянь, что в изобилии сыпется сверху, больно бьёт по макушке. Изредка в грохоте взрывов раздаются крики. Тогда оживают автоматы. Короткие очереди обрывают вопли. В утренней тишине грохот особенно силен, от взрывов и выстрелов гудит в голове, в ушах непрерывно и противно пищит. Когда на воздух взлетает последняя лачуга, наступает тишина. С неба падает мусор, тихо стучит по земле, шуршат обрывки бумаги, куски цветного полиэтилена планируют в пыли, словно сухие лепестки цветов. Антон оглядывается. То, что недавно было посёлком, затянуто грязной пеленой, в которой мелькают языки пламени, струи чёрного дыма поднимаются к светлеющему небу кривыми столбами.

– Хорошо! – выдохнул он пыльный воздух.

– Согласен, – кивнул Андрей.

В дыму что-то мелькнуло. Автомат Антона рывкнул, пули прошли воздух. Мелькнуло белое и красное, круглый предмет, похожий на детскую голову, покотился по склону.

– Одним гадёнышем меньше, – буркнул Антон, оправдываясь.

– А я разве против? – удивился Андрей.

Единственное здание, которое не тронули, было гаражом. В грязном сарае, который раньше использовался, как хлев, стоят два американских джипа времён второй мировой войны, старый легковой опель и мотоцикл. Двухколёсная машина оказалась исправной и даже заправленной. На полке нашёлся поцарапанный шлем и очки. Видно, хозяин этого «богатства» был любителем верховой езды. Впрочем, пожилой опель – год рождения девяносто пятый, тоже мог передвигаться, только не очень быстро. Подвеска выглядела так, что на скорости больше полусотни километров в час днище отвалится. Но ездить можно,

надо только заправить. Когда все приготовления к путешествию закончились, Андрей прострелил топливные баки джипов, опрокинул полупустую бочку с бензином. Гараж наполняется густым запахом, на полу растекается громадная лужа. В окно влетает граната. Бензин брызжет мутными каплями, поверхность маленького озера бурлит волнами. Мгновение и взрыв рвёт тишину. На месте гаража вспухает огненное облако, в небо выстреливает чёрный клуб дыма.

– Держи, твоя доля, – произнёс Андрей, протягивая Антону пачку зелёных бумажек.

– Это слишком много, у меня столько не было! – запротестовал Антон, но Андрей решительно сует пачку банкнот за пазуху.

– А за моральный ущерб? Да и физического было немало... Вот ещё документы. Или их тоже не было? – ехидно поинтересовался Андрей.

– Ладно, давай. И деньги, все равно награбленное, – согласился Антон.

– Ну вот. А это моя ксива, отпускной и бабки Легиона. И сверху три тысячи. Или пять? Ну, неважно... – улыбнулся Андрей. – Куда ты теперь?

– Обратно в Хургаду. А там... вообще, полечу домой.

– Где тебя с нетерпением ждут друзья и кредиторы. Как думаешь, проживёшь долго?

Антон тяжело вздыхает. Садится на капот «Опеля», старое железо тихо хрустит под тяжестью, словно жалуясь на трудную жизнь. Солнце полностью выбралось из-за горизонта, ветерок уже не охлаждает разгорячённое тело, а нагревает ещё больше. День будет очень жарким.

– Ну, а чего? Куды бедному крестьянину податься? – развёл руки Антон. – Если бы у меня был миллион, тогда другое дело, а так...

– Едем со мной. Вернёмся в Хургаду, догуляем мои оставшиеся три дня и рванём в Джибути. Я все-таки не простой легионер, а капрал-шеф. По моей рекомендации тебя примут в Легион, а там о прошлой жизни почти не спрашивают. Собеседование в «гестапо» пройдёшь, я помогу.

– Спасибо, Андрюша, – улыбнулся Антон. – Только... как бы это сказать... не готов я ещё для Легиона. Ты офицер, тебе проще, а я человек гражданский, мне решиться надо. Не обижайся, ладно?

– Ну, дело хозяйское, – пожал плечами Андрей. – Тебе видней, как лучше.

Он порылся в карманах, достал клочок бумаги, ручку, быстро написал несколько слов.

– Держи! Здесь мои координаты. Если передумаешь, по ним разыщешь меня. Помогу, чем смогу. Только раньше, чем через три месяца, на помощь не рассчитывай.

– Это почему?

– Я ж говорил тебе, в Марокко буду. Это на другой стороне Африки, далеко отсюда.

– А чего легионерам делать в Марокко, если не секрет?

– Воюем с наркобаронами. Эта страна занимает первое место в мире по производству гашиша. От Марокко до побережья Испании через Гибралтар рукой подать. «Дурь» перевозят чуть ли не на моторных лодках. Легион защищает Евросоюз от наркоты, которую производят подпольные заводы на территории Марокко. Местные власти не мычат не телятся с этим делом, потому что сами в гашишном бизнесе завязаны. Вся Северо-Западная Африка была колонией Франции. Вот Европа и поручила Парижу наводить порядок в бывших своих владениях.

– Понятно. А президент доверил это дело Легиону. Верно? – улыбнулся Антон.

– Точняк! И за немалые бабки, между прочим. За кило чистого гашиша легионеру полагается премия в тонну баксов. Только надо доказать, что «дурь» местная, не привозная.

– А это как? – удивился Антон. – По особому вкусу, что-ли?

– По штампу производителя. Или по результатам лабораторного анализа. Гашиш делают промышленным способом, на заводах. К примеру, ведущий производитель героина в Афганистане маркирует свою продукцию штампом со скрещёнными саблями.

– Да ну! – не поверил Антон.

– Правда. Изготовитель «дури», он тоже за базар отвечает. Если с качеством надул, американцы сразу начинают бомбить этот район. Типа, они с терроризмом борются. Козлы, мать их! – сплюнул Андрей.

– Неужели они к этому причастны? Не может быть!

– Не сомневайся. С тех пор, как пиндосы появились в Афгане, производство героина выросло в сорок раз! Десятки тонн упакованного героина на ослах до Европы не дотащишь. Его транспортными «Геркулесами» возят, а бабло в казну. Вашингтону надо отчитываться перед избирателями за расходы на войну, а тут такая экономия! И на карман есть что положить. Да-да, не сомневайся. Ты думаешь, почему они из Ирана в Афган перебираются?

– Ну ты Андрюха, политолог! – рассмеялся Антон. – Всю мировую политику по полочкам разложил.

– А разве я не прав? Ещё Фрейд утверждал, что людьми правит любовь и голод. Ну, первое отбрасываем, остаётся что? Жадность! Вот она-то и управляет государственными чиновниками и владельцами корпораций. Этот мир прост! – взмахнул он руками.

Мотоцикл завёлся, как говорится, с пол-оборота. Двигатель взревел, клубы голубого дыма закутились над землёй, лязгнула включённая передача.

– Прощай, Андрюха! – крикнул Антон.

Капрал-шеф Иностранного Легиона обернулся, махнул рукой.

– Нет, до свидания! – ответил Андрей и улыбнулся.

Звук мотора медленно гаснет вдали, оседает пыль, поднятая колёсами. Антон забирается в душный салон «Опеля», не глядя поворачивает ключ зажигания. Двигатель старчески кряхтит, но свежий аккумулятор заставляет сбросить сон и мотор оживает.

– Ну что, господин Лыткин, едем обратно? – спрашивает сам себя Антон. – Интересно, нафига? М-да, пока не знаю...

Вернувшись в отель, Антон обнаружил, что его номер занят каким-то чудачком из Украины с женой и тремя детьми. Антона поразило не сам факт поселения в его номер посторонних, а то, что их так много. Администратор пожал плечами – желание постояльца закон для отеля, даже если оно идиотское. С гостями туго, приезжие экономят на всем, особенно на количестве спален. Персонал вынужден соглашаться на все, лишь бы жили и платили. Небольшой пакет с вещами Антону вручил мальчишка-коридорный. Тот самый, которому он показал фигу вместо чаевых в день приезда. Мстительная улыбочка раздвинула узкие губы, глазки сощурились. Худые пальчики медленно складываются в известную фигуру из трёх частей. Для пушей убедительности пацан корчит рожу и шевелит ушами.

– Гадёныш! – беззлобно шепчет Антон и направляется к выходу.

Идти некуда. Антон садится на лавку под жидкой тенью пальмы. Солнце не грызёт макушку, но все равно жарко и хочется пить. «Итак, господин Лыткин, что делать?» – мысленно задаёт самому себе вопрос Антон. Мгновение спустя отвечает: «А хрен его знает!» Возвращаться домой нельзя, он труп, тут Андрей прав. Остаться здесь? Можно, бабок у него... ага, тысяча триста баксов. Можно снять халупу с удобствами на улице и жить с полгода, питаясь финиками и пресными лепёшками. А дальше что? Да и сбесишься тут, в чужой стране, за неделю... Виза заканчивается через два дня, но это мелочи, за зелёные

бумажки с рожей Абрама можно продлить. На работу устроиться менеджером в отель? Туристов из СНГ здесь хватает, персонал, знающий русский язык, нужен. Но беда в том, что надо знать и английский, иначе не договориться с работодателем, а с языком Шекспира у Антона облом. «Что называется – приплыл! Блин горелый, что придумать? – размышлял Антон. – Может, вправду наняться в Иностраннный Легион? Не все же легионеры парашютисты и каратисты, есть инженерно-сапёрный полк. Буду себе рыть окопы экскаватором. Ну, или строить казармы, дело-то привычное. Завербоваться на пять лет, а там видно будет. Если жить экономно, можно накопить на квартиру... в Бердянске. На московскую хату придётся двадцать лет канавы рыть, всю Африку перекопать. Тьфу, е... ть!» Невесёлые размышления новоявленного эмигранта прерывает удивительно знакомая фраза на русском языке:

– Господа туристы! Приглашаем вас на захватывающе интересную экскурсию! Вы прикоснётесь к загадкам древнего Египта, увидите знаменитые пирамиды Хеопсы, жуткий сфинкс посмотрит вам в глаза. Вы увидите Город Мёртвых! Вас ждут незабываемые впечатления! Очень дёшево! Всего за...

Вообще-то пирамида Хеопса одна и сфинкс вовсе не производит жуткого впечатления, даже несмотря на расквашенный французским ядром нос. Это все несущественные детали для «руссо туристо», на девяносто процентов состоящих из работяг, которые даже Африку на карте не найдут. Для них что пирамиды, что храм Казанской Божьей матери. Главное – факт поездки «за бугор»! Что б было, о чем рассказать соседям по общаге за бутылкой палёной водки и котлетами, которые жена украла в детском саду. Там она работает няней. «Руссо туристо» почему-то считают, что отдых это, прежде всего, пьянка. И потому начинают «жрать» ещё в самолёте. Если сидит тихо – ладно, стюардесса только брезгливо отвернётся, когда пройдёт мимо. Но некоторым хочется порезвиться. Тогда либо самолёт возвращается обратно, где ужравшегося туриста ждёт родная «ментура», обезьянник и штраф за сорванный полет на лимон. Либо в пункте прибытия встречает местная полиция, которая ничуть не лучше нашей. В итоге опять обезьянник, мордобой и штрафы. Первый за то, чтобы возместить моральный ущерб тамошним копам, второй Родине за потерю престижа. А вот по прибытию на место пить можно, сколько влезет. Это даже поощряется, потому что пьянь деньги не считает, а владельцам отелей только это и надо. Потомственные рабочие и крестьяне ведут себя зарубежом так, как привыкли дома. И потому не стоит удивляться, что популярны за границей «туры без русских». Конечно, плебеев с деньгами хватает в любой стране, американцы в этом плане обогнали нас давно, у них каждый второй турист просто быдло с бабками. Но о турах без американцев что-то никто не слышал.

Антон удивлённо поворачивается на крики. Неподалёку на раскалённом асфальте дремлет старенький автобус «MAN» довоенной постройки. Рядом прохаживается разбитой малый с мегафоном и бодро покрикивает в микрофон. Некоторые слова трудно разобрать, но общий смысл высказываний классический – налетай, торопись, покупай живопись! Привлечённая восклицаниями зазывалы, к автобусу приближается стайка туристов явно СНГ-овского вида. Гид тотчас убирает мегафон, что-то деловито объясняет. Рассказ сопровождается выразительной жестикующей. Приезжие трясут лицами, руки спонтанно лезут в карманы. Баксы сбиваются в жиденькую пачечку и перекочёвывают в нагрудный карман зазывалы. Туристы по одному ныряют в кондиционированный сумрак салона. Через пару минут подошли ещё несколько человек. Процедура охмурения повторилась, нагрудный карман зазывалы раздулся больше.

«Может, и мне съездить, развеяться? – подумал Антон. – Не водку же пить на такой жаре?»

Через минуту он уже сидит в салоне. В автобусе работает кулер на полную мощность, прямо в лицо дует остуженный воздух, отчего пот быстро стынет и кажется прохладной

водичкой. Зазывала покричал ещё минут пять, убедился, что желающих больше нет. Входная дверь открывается, в салон кидается жар, но тотчас умирает, отрезанный от внешнего мира. Дверь поспешно возвращается на место, зазывала садится на первое кресло и превращается в гида. Автобус трогается, монотонный голос рассказчика о здешних красотах наполняет салон уютным воркованием и Антон незаметно засыпает. Пассажиры смотрят в окна, оживлённо обсуждают увиденное, дети тычут пальцами в стекла и визгливо сообщают мамашам о замеченных ослах, женщинах в парандже и прочих чудесах. Ничего этого Антон не видит и не слышит. Уставший от дальней дороги, расстроенный полной неопределённостью будущего, он спит. И плевать ему на ослов и баб! Очнулся от того, что прекратилось покачивание и куда-то пропали голоса детей. Разомлевший от сна, как зачумлённый оглядывается. Приглушённые голоса доносятся снаружи. Антон выглянул в окно. Рядом с автобусом сбилась стайка туристов, перед ней стоит тот самый гид с мегафоном и что-то бормочет. Вдали возвышаются неопрятные громады пирамид. У подножия бродят группки людей в ярких одеждах, тут и там стоят осёдланные верблюды. Это местные жители привели свою скотину в надежде немного заработать на любителях верховой езды. До Антона, наконец, дошло, что приехали и экскурсия началась. Его гид решил не будить, руководствуясь принципом: за ваши деньги – любой каприз. В том числе дрыхнуть в автобусе. Антон не любил спать днём, даже если перед этим провёл бессонную ночь. Дневной сон не освежал, а нагружал одурью и тяжёлой головой. Пошатываясь, выпучив глаза и хватаясь руками за спинки сидений, Антон добрался до выхода. Равнодушный «водила», не глядя, ляпнул ладонью по рычагу, дверь распахнулась. Пустыня дохнула плотным жаром. Антон спрыгнул со ступеньки. Не рассчитал высоты, ноги по щиколотки погрузились в горячий песок, ступни разъехались, колени подогнулись и он шлёпнулся в душную пыль потной физиономией. Тихо ругаясь матом и отплёвываясь, вскакивает на ноги. Вокруг серо-жёлтая пустыня, пирамиды, словно гигантские кучи засохшего навоза и люди, глазающие на «седьмое чудо света». Кривит подбитую рожу сфинкс. Все это великолепие заливают жаром бешеное африканское солнце. Возвращаться в автобус не хотелось и Антон пошёл за «своими». Гид что-то рассказывает, но Антону интереса нет. О пирамидах писано переписано, ничего нового, кроме вранья, все равно не услышишь. Его внимание привлекают верблюды. Неподалёку расположилась группа животных с одним погонщиком. Или дрессировщиком, хрен его знает! Верблюды похожи на громадные войлочные игрушки. Худющие ноги упираются в песок, горбы уныло наклоняются, волосатая змееподобная шея оканчивается ушастой головой. Скоты высокомерно глядят вдаль и меланхолично жуют. У каждого между горбами закреплено седло странной формы, свисает пёстрый коврик с кисточками по краям.

Зоркий погонщик сразу заметил интерес «гяура». Дочерна загорелый мужчина в чалме приветливо раздвигает губы в улыбке, что-то произносит и тычет пальцем в ближайшего верблюда. Антон бредёт по горячей земле, проклиная все экскурсии на свете. Подходит ближе. В нос шибает аромат скотного двора. Погонщик пахнет чуть приятнее. После сна и так плохо голова работает, а тут ещё солнце печёт макушку... Антон сует зелёную бумажку. Номинал он не разглядел, зато погонщик увидел сразу. Глаза расширились, хватательный рефлекс усиливается, рука бросается на бакс, словно коршун на мышь. Когда ассигнация исчезает в кармане, сальное лицо расплывается в сладкой улыбке, голос звучит воркующе и нежно:

– Sit down please, mister!

К кому обращается погонщик, не совсем понятно, так как верблюд опускается на карачки первым. Антон взгромождается – иначе не назовёшь! – в пыльное седло. Спереди щемит. Антон слегка подпрыгивает. Становится посвободнее. Погонщик щёлкает языком, дёргает за повод и непрерывно жующая скотина встаёт. Вначале выпрямляются задние ноги, отчего Антон тычется носом в мягкий горб. Затем выпрямляются передние и Антон

откидывается на спину. Откуда ни возьмись, появляется мальчишка подросток в длинной рубахе почти до пола и традиционной портянке на голове. Пацан хватает повод и громадный верблюд послушно шагает. На спине животного не так жарко, как на земле. С высоты лучше видно, как группки туристов в сопровождении гидов шастают возле пирамид. Некоторые, как Антон, катаются на верблюдах, но большинство предпочитают сидеть в автобусах или автомобилях и рассматривать древнюю рухлядь в бинокли. Мальчишка ведёт верблюда по широкому кругу. Антон только один раз посмотрел на пирамиду. Вблизи она оказалась совсем не такой, как на многочисленных фотографиях. Пирамиды сложены из множества прямоугольных глыб, более или менее отёсанных. По сути дела, куча камней. Время и ветры изгрызли углы, края покрыты сколами, похожими на высохшие язвы. Многие плиты расколоты, других просто нет – растащили. Может быть, десять тысяч или сколько там, лет назад они и внушали страх и уважение. Сегодня, когда вся планета застроена небоскрёбами из бетона и стекла, пирамиды кажутся засохшими фурункулами на теле пустыни. Как Антон ни старался, но не почувствовал он ни трепета перед могуществом древних, ни восторга перед великой загадкой, над которой бьётся не одно поколение учёных – каким образом громадные глыбы сложили в пирамиду, да ещё сориентировали по сторонам света? А самое главное – нафига все это нужно? Ведь серьёзных захоронений, кроме могилы Тутанхамона, до сих пор не найдено. Дело даже не в сушёных трупах вождей. Постройка пирамид – дело чрезвычайно сложное и дорогостоящее. И в наше время подобное не просто сделать, а уж тысячелетия назад вовсе было дивом! Выемка грунта, заготовка каменных глыб, обработка, доставка и, наконец, укладка непосредственно самой пирамиды требовали тысяч рабов. А если учесть, что они мёрли, как мухи, то десятков тысяч! Всю эту ораву надо было охранять, чтобы не разбежались, кормить и поить, что в условиях пустыни очень непросто. И так десятилетиями. Требовались новые рабы взамен умерших. Значит, надо вести практически непрерывные войны с соседями. Нужна огромная армия. Её тоже надо содержать. Если посмотреть в целом, то задача просто титаническая. А ведь пирамиды строил каждый фараон! С трудом верится, что ресурсы великой империи тратились на строительство пусть и не простых, но все же могил. Впрочем, Антону Лыткину было глубоко наплевать на загадки древней цивилизации. Своих проблем выше крыши!

Глава 4

Грязно-рыжий верблюд высокомерно шагает по песку. Нижняя губа презрительно оттопырена, жирная капля зелёной слюны с трудом отрывается от челюсти и мучительно медленно тянется к земле. Антон погружен в невесёлые мысли и совсем не замечает, что творится вокруг. Мимо проходит группка туристов. Женщина ведёт ребёнка за руку, мальчишка хнычет и просится на руки. Он устал, ему жарко и хочется пить. Мамаша уговаривает потерпеть и упрямо тащит малыша за собой. Она, как и все сильно умные, считает, что побывать в Египте и не увидеть пирамид – это преступление. Вроде плевок на портрет Джонки. Пацану обшарпанные пирамиды по барабану. Блуждающие мысли ищут выхода... и находят. Мальчишка замечает верблюда с пассажиром. Горбатая тварь сомнамбулически равнодушна к окружающим. Это задевает! Пацан вырывается из слабых рук мамаша. Поднимая клубочки пыли, бежит навстречу. Останавливается перед верблюдом. В эту минуту мама бросается следом, выкрикивая на бегу что-то вроде – спасите, помогите, чудовище проглотит малыша! Малой понимает, что свободы осталось с гулькин нос. Через считанные секунды озабоченная безопасностью мамаша сожмёт его железной хваткой и снова потащит к дурацким пирамидам. Действовать необходимо максимально быстро!

Пацан встаёт на пути верблюда. Детская грудь раздувается до предела, отпущенного природой, воздух наполняет лёгкие и... раздаётся истошный визг, от которого режет уши и во рту появляется неприятный привкус. Антон аж подпрыгивает в седле, суматошно машет руками. Чтобы не выпасть, рефлекторно сдавливая бока верблюда ногами, каблуки с силой бьют по рёбрам. Гадкий мальчик продолжает визжать. Лицо багровеет, глаза выпучиваются, руки в стороны – не ребёнок, а нечистая сила! Детский крик словно пробуждает весь Город Мёртвых. Сотни людей – туристы, гиды, продавцы сувениров и погонщики верблюдов обращаются на вопль. Никто не понимает, в чем дело. Не понял и верблюд... Горбатая скотина пугается так, что подпрыгивает на всех четырёх ногах, словно кошка. Короткий повод вырывается из рук мальчишки, раздаётся короткий свист. Плетёный ремешок хлещет Антона по лицу, обжигающий удар заставляет откинуться в седле, на месте удара вспухает багровый след. Едкий пот усиливает боль ещё больше. В панике Антон ещё сильнее колотит пятками верблюжьей бока. «Корабль пустыни» издаёт короткий рёв, похожий гудок парохода и бросается прочь от страшных людей. Широкие, как суповые тарелки, стопы отшвыривают килограммы песка, превращая их в пылевые облака. Визг гадкого мальчика обрывается на самой высокой ноте – внушительная горсть песка затыкает детский ротик, словно тряпочный кляп. Сбесившийся от страха верблюд несётся, не разбирая дороги. Люди с криками шарахаются. Хозяин скотины что-то там кричит, но обезумевшее животное уже не фиксирует сигналы извне. Оно погружено в ужас, инстинкт самосохранения приказывает бежать, бежать, бежать...

Антон нещадно трясёт и подбрасывает в седле. Чтобы не упасть, он вынужден держаться за горб. Мягкий мешок жира податливо качается и совсем не кажется надёжной опорой. Антон обнимает вонючий горб, прижимается к нему всем телом. В мозгу бьётся мысль – только бы не упасть! Любому горожанину, которому приходилось сидеть в седле, знакомо чувство страха. Оно охватывает всякого, кто впервые садится верхом. Лошадь, до этого казавшаяся смирным и ласковым животным, вдруг становится диким зверем, которое только и думает о том, чтобы скинуть седока коварным толчком. Все видели репортажи с родео, где свирепые быки сбрасывают на землю ковбоев. Топчут, на рога поддевают. А совсем дикие мустанги ещё и кусаются. Ужас! Вот не помню, есть у них рога? Разумеется, умом мы понимаем, что не станет лошадь так делать. Это мы, люди, злые, а не животные. Но ведь мы судим о других по себе. Вот нам и кажется, что лошадка поступит с нами так же, как мы,

оказавшись на её месте. На самом деле и лошадь, и верблюд очень добрые животные, просто погладить по тёплому боку – и уже приятно. Словно чуть-чуть добавилось здоровья. Жители пустыни даже возлюбленных сравнивают с верблюдом. Это считается изысканным комплиментом, высшей похвалой. Невезучему Антону не до возвышенных чувств. Сумасшедший верблюд несётся вскачь нервной иноходью неизвестно куда, жёсткое седло немилосердно отбивает задницу, передок регулярно щемит так, что искры сыпятся из глаз, встречный ветер несёт песок и верблюжьи слюны прямо в лицо. Антон только один раз на мгновение открывает глаза – земля далеко внизу, мелькает быстро-быстро, будто едешь в скором поезде... Если выпасть из седла, употеешь кувыряться. От ужаса Антон зажмуривается ещё сильнее, пальцы буквально впиваются в мягкую шкуру.

Безумная скачка по пустыне продолжалась долго. Верблюд оказался выносливым. Постепенно животное успокоилось, бег замедлился и сумасшедшие скачки переходят в иноходь. Тряска уменьшилась, но немного. Походка верблюда такова, что седока всегда подбрасывает в седле. При ходьбе это монотонное раскачивание, на скачках – прыжки и надо иметь прямо таки чугунную ж... пу, чтобы выдержать свирепую тряску. Бывший учитель истории Антон Лыткин таким качеством пятой точки не обладал. Находясь в полубессознательном состоянии, он думал только о том, чтобы не свалиться на землю. Седлалище скоро онемело и толчки верблюжьей спины отдавались тонким звоном колокольчиков в ушах. Однако через некоторое время боль напомнила о себе. Ломота поднялась вдоль позвоночника к шее, поясницу начало простреливать с такой силой, словно в пупок вонзают раскалённый железный прут. Стремья на седле не оказалось, что бы хоть встать и выпрямиться. Да и вообще так называемое «седло» было всего-навсего вчетверо сложенной кошмой. Очень скоро боль стала невыносимой. Верблюд давно уже просто брёл по пустыне, даже и не думая бежать. Он устал, с вывернутых губ обильно стекает пена, тяжёлое дыхание раздувает бока. Не в силах более терпеть боль Антон осторожно перемещается вбок. Пальцы разжимаются, руки сползают ниже по горбу. Правая нога висит, не касаясь пяткой верблюжьего бока. В таком положении легче переносить боль, но долго не провисишь. Антон попробовал устроиться поудобнее, завозился. Хитрый верблюд почувствовал, что наездник устал и сидит... ну, некрепко – шкуру на горбу не сжимает, пятки в бока не упираются. Собрав последние силы, животное внезапно начинает подбрасывать зад в манере необъезженного быка. Ослабевший Антон пробкой вылетает из седла. Пролетев по короткой дуге, Лыткин шлёпается на песок, как куль с овсом. От удара в глазах белый свет меркнет, останавливается дыхание и душа на мгновение выходит из тела, оглядывается в недоумении и ныряет обратно...

Когда Антон пришёл в себя, верблюд стоял метрах в пятидесяти от него, со вкусом сгрызая колючие ветки с кустарника. Иглы такие, что мороз по коже от одного вида, а у верблюда слезы счастья текут, жуёт так, словно это пища богов. Антон с трудом поднимается на ноги. От пояса и ниже все занемело. То, что выше, невыносимо болит, голова кружится, во рту ком грязи, лицо покрыто сжиженным до консистенции желе потом. Вокруг, насколько хватает глаз, простирается пустыня. Жёлтый песок редкими волнами уходит за горизонт, откуда начинает белёсое небо. Прямо над головой висит свирепое солнце. Нигде не видно ни малейших признаков человеческого жилья или какой-то растительности. Только песок. Верблюд громко фыркает. Антон хотел подойти, но животное при первой же попытке приблизиться пошло прочь. Один верблюжий шаг равен трём человеческим. Догнать, тем более забраться на спину Антону никак не удастся. Не стоит даже пробовать. Махнул рукой. От простого движения оголённую кожу обдало жаром, словно он в парилке, которую сумасшедший банщик протопил до температуры плавления железа. Только сейчас Антон с удивлением обнаружил, что его одежда превратилась в клочья. В растерянности похлопал себя по остаткам рубашки и вдруг почувствовал, что карман, в котором лежали документы

и деньги, разорван! В панике Антон принялся шарить по остальным карманам, но кроме песка, в них ничего не было. Проверил раз, другой... бесполезно. Итак, у него нет документов, денег, билетов на обратный путь. Нет ничего, что указывало бы на его гражданство, имя и материальное положение. У него нет прошлого и будущего, он никто и зовут его никак. Вдобавок, посреди пустыни, без воды и продуктов, полураздетый... От такого удара судьбы у Антона Лыткина потемнело в глазах.

Каждый из нас хоть раз, да задумался о том, как он умрёт. Большинство представляют по стандарту – ложе, вокруг безутешные родственники, они же наследники и потому уже враги. Или больничная палата, вокруг те же враги-наследники, процедура похорон, кучка влажной земли и гора цветов с лицемерными надписями на лентах. Идиллия! Никто не думает о том, что может погибнуть в расцвете лет под колёсами грязного самосвала, стать случайной жертвой криминальных разборок или элементарно отравиться некачественной колбасой. По статистике, в результате аварий на дорогах, от перепооя или палёной водки, от несчастных случаев на производстве, ошибок малограмотных врачей и прочих случайностей в нашей стране гибнет около полумиллиона человек ежегодно. Добавьте сюда суицид по различным причинам и получится ещё больше. Подумать только, люди вешаются из-за того, что жена изменила. Или муж переспал с другой бабёнкой... ЧП планетарного масштаба!!! Да радуйтесь, идиоты и идиотки, что вовремя узнали о предательстве. Позже было бы хуже. Одним словом, конвейер несвоевременных смертей работает круглосуточно, на полную мощность, поток трупов не иссякает и кто сказал, что ты будешь исключением?

– Господи, за что? – шепчет Антон.

Ноги наливаются свинцом, колени подгибаются, мертвеющее тело падает на песок. Антон лежит на боку. Кожа не ощущает обжигающего жара песка. Солнечные лучи вгрызаются в плоть сквозь дыры в одежде и нежная кожа вскипает волдырями ожогов. Боли столько, что её перестаёшь ощущать. Ты живёшь в ней, она становится нормой существования. Веки тяжелеют, глаза смыкаются, вместо ослепительного света ты видишь красную пелену. Это и есть твой мир, боли и крови. Скоро придёт тьма...

Невыносимая боль пронзает тело, словно удар током. Судорога скручивает мышцы, словно мокрое бельё, сухожилия трещат от натуги и каждая клеточка тела кричит от боли. Антона подбрасывает, умирающие лёгкие исторгают крик, идущий из самых глубин организма. Дикий вопль раздирает тишину пустыни. Юркие ящерицы в панике зарываются в песок, пустынная гадюка уползает в сторону от вопящего чудовища и тушканчики забиваются ещё глубже в норы. Только верблюд равнодушно тряхнул ушами и продолжил неспешное путешествие прочь от нехорошего человека. Животное досыта накушалось вкусных колючек и теперь решило разыскать водички. Крик обрывается хрипом. Пересушенные связки не выдерживают, голос пропадает. Антон дико осматривается. Коричневое пятно верблюда медленно удаляется. Жаркий ветер пустыни несёт полупрозрачные волны песчинок, медленно заносит следы. Остаться здесь – верная смерть, это Антон понимает. Но переход через пустыню тоже смертелен. Выбора нет. Антон медленно опускает взгляд, тяжелеющие веки ползут вниз, светлый мир сужается. «А верблюд идёт, – вяло думает Антон. – Ему наплевать на пустыню, она ему дом родной. Идёт, куда хочет, не спеша... Стоп! А действительно, куда идёт верблюд? Животные в критических ситуациях ведут себя гораздо разумнее, чем люди. Верблюд домашний. Значит, он идёт к людям, к жилью. Возможно, к воде!» Последняя фраза придаёт силы. Ноги по щиколотки увязают в песке. Антон с трудом вытаскивает правую, потом левую, делает шаг, другой. Глаза опущены, взгляд упирается в цепочку верблюжьих следов. Это единственный ориентир для него, потерять который означает ско-

рую смерть. Солнце прожигает тело насквозь, плечи и спина давно превратились в сплошной ожог. Горячий воздух сушит горло, из глаз уже не текут слезы – они высыхают, едва появившись. Чувство времени исчезает, Антон словно бредёт в бесконечности... К счастью, день давно уже перевалил за вторую половину, поэтому жара стала скоро спадать. Солнце медленно остывает, жгучие лучи один за другим прячутся за горизонт, в жёлтой пустыне появляются серые тени. Они наливаются тёмной силой, становятся резче, воздух остужается. Но сожжённая кожа сама источает жар и Антон не чувствует изменения температуры. Ему все равно жарко. Глаза закрыты, нет сил разлепить ссохшиеся веки. Он уже не человек, а живая болванка, которая движется, потому что таков был последний приказ угасающего разума...

Палаточный лагерь археологов готовится ко сну. Завтра предстоит тяжёлый день. Впрочем, как и сегодняшней. Дизель генератор приглушённо тарахтит на самых низких оборотах. Багровеют угли в догорающих кострах. Землекопы из числа местных жителей давно покинули лагерь на просторном грузовике с прицепом. Раньше в нем перевозили скот, потому что каждый раз, когда грузовик останавливался на день, по лагерю распространялся устойчивый запах навоза. Палатки из плотной белой ткани стоят ровно, по линейке, будто это место дислокации воинского подразделения. В полукилометре отсюда оазис – небольшое озеро, образовавшееся из подземного источника. Водоём окаймлён камнями и зарослями кустарника. Лучше было бы разбить лагерь поблизости от воды, но тогда пришлось бы каждый день ходить пешком к месту раскопок. Руководитель экспедиции доктор исторических наук Александр Александрович Науменко повелел установить палатки прямо у раскопок. Повелел, а не приказал и уж тем более, не попросил, потому что доктор наук обладал авторитарным характером, имел все наклонности самодержца и тирана, но при этом обладал обширными знаниями и был лучшим педагогом. О нем говорили, что может и медведя научить читать, просто желания пока не появилось. Однако тиранические наклонности проявлялись не только в работе. Доктор не терпел беспорядка в быту, во внешности и в мыслях. Он вообще был решительным сторонником дисциплины во всем. Именно поэтому начальство доверяло ему руководство дальними экспедициями. Науменко высок ростом, широк в плечах, обладает выпуклой мускулистой грудью в отличие от своих коллег, которые уже к тридцати годам обзаводятся выпуклыми животами. Доктор наук острижен наголо, как Котовский. Из растительности только усы и короткая борода, отчего доктор наук и профессор немного похож на террориста. Простые пластмассовые очки на кончике носа превращают его в умного террориста. В суждениях доктор наук предельно резок, иногда до грубости. Так же, как его любимый философ Фридрих Ницше. Александр Александрович сидит на раскладном стульчике, на походном столе разложены сегодняшние находки – черепки, фрагменты костей, покореженные куски металла. Предстоит разобраться во всем, зарегистрировать в журнале находок и разложить по коробочкам. Работа не скорая, но доктора это не тревожит. Он, по примеру Наполеона, спал всего четыре часа в сутки. Остальные двадцать работал. Галогеновая лампа светит ярко, привлекая ночных насекомых. Крылатые букашки пляшут безумный танец вокруг источника света, теряют ориентацию и падают на стол. Когда обеспамятевших насекомых становится больше трёх, Александр Александрович надувает щеки и мощный выдох уносит козявок прочь.

Первой странное существо из пустыни заметила дворняжка, что приبلудилась к археологам из меркантильных соображений; в смысле пожрать хоть раз в день. Облезлый от постоянной жары «дворянин» сначала заворчал, потом неуверенно гавкнул. Порыв ночного ветра принёс странный запах – существо пахнет жареным мясом! И тогда «дворянин» заорал не своим голосом. Он завыл и залаял одновременно. Получилось страшно, словно

собаку медленно переезжает трамвай. От вопля моментально проснулись все. Профессор немедленно оставляет свои занятия. Пальцы смыкаются на черенке штыковой лопаты, вспыхивает налобный фонарь, словно глаз циклопа и доктор наук решительно шагает в темноту. Дворняжка на всякий случай шарахается под ноги большому человеку и оттуда храбро гавкает в пустыню. Из палаток выбегают взволнованные люди, в руках фонари, палки, кто-то впопыхах схватил мыльницу, с чертыханьем бросил. Все устремляются на лай собаки. Вскоре за спиной Науменко стоит весь его «личный состав». Кто с лопатой, кто с геологическим молотком. Лучи фонарей сливаются в один поток света, быстро тающего в темноте. Проходит несколько мгновений, из душной тьмы раздаются шаркающие звуки, невнятное бормотание и скрип песка. В световом столбе пляшут пылинки, ночные бабочки стремительно шарахаются друг от друга. Появляется человек. Одежда порвана, сквозь крупные прорехи видна красная кожа, громадные волдыри ожогов покрывают лицо и оголённые руки. Всклоченные волосы покрыты пылью, словно темно-серой сединой. Вместо глаз сухие впадины, покрытые грязной коркой.

Человек продолжает брести, загребая песок ногами, никак не реагируя на свет.

– You who? What is your name? – спросил кто-то.

Науменко раздражённо хмыкнул.

– Это так важно...

Неизвестный приблизился. Неприятный запах коснулся людей, некоторые сморщили носы. Одна девушка сказала:

– Ему совсем плохо. Он умирает.

Незнакомец из пустыни неожиданно останавливается. Сухие губы с трудом разжимаются, из черной щели рта раздаётся тихий голос, похожий на шуршание:

– Ещё нет... и не дождётесь...

Силы оставляют неизвестного, колени подгибаются и тело падает на песок. Мгновение длится немая сцена и лагерь археологов наполняют изумлённые крики:

– Да он по-нашему понимает!

– Русский, что ли?

– Вот блин, и в пустыне наши!

...Антону снится странный сон. Склоняется тот самый верблюд, что ускакал вместе с ним в пустыню. По-старчески пожевав губами, произносит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.